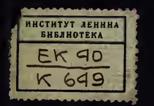
Хадосовъ

РУССКІЕ ВОЛОНТЕРЫ во Франціи

Е. Е. КОЛОСОВЪ.

РУССКІЕ ВОЛОНТЕРЫ ВО ФРАНЦІИ.

*Памяти
Степана Николаевича
Слетова.*

ИЗД-ВО „ОГНИ"
ПЕТРОГРАДЪ
1916.

Е. Е. КОЛОСОВЪ.

РУССКІЕ ВОЛОНТЕРЫ ВО ФРАНЦІИ.

Памяти
Степана Николаевича
Слетова.

ИЗД-ВО „ОГНИ“
ПЕТРОГРАДЪ
1916.

Дозволено военной цензурой. Петроградъ, 1 Іюля 1916 г.

Типографія „ПРАВДА", Разъѣзжая ул., 16—18.

Кризисъ Интернаціонала и русскіе волонтеры во Франціи.

(Памяти Ст. Ник. Слетова).

I. Изъ исторіи народничества 90-хъ годовъ.

Мнѣ приходится писать эти строки въ тотъ моментъ, когда пришли первыя извѣстія о формальномъ расколѣ въ соціалъ-демократической фракціи германскаго рейсхтага. Расколъ этотъ одно изъ послѣднихъ по времени подтвержденій того глубокаго кризиса, равносильнаго катастрофѣ, который пережитъ и продолжаетъ переживаться международнымъ рабочимъ движеніемъ со времени войны. По существу и до послѣдняго раскола, Интернаціоналъ пересталъ уже существовать. О прежнемъ Интернаціоналѣ, какъ единой организаціи, не могло быть рѣчи съ тѣхъ поръ, какъ соц-дем-кая фракція германскаго рейсхтага вотировала въ засѣданіи 4 августа 1914 г. военные кредиты и санкціонировала нападеніе на Бельгію. Спустя годъ послѣ этого, фактическое распаденіе Интернаціонала было подтверждено формально на Циммервальдской конференціи. Своей основной задачей конференція въ Циммервальдѣ ставила возстановленіе Интернаціонала, а средствомъ къ этому предполагала выставить отказъ соціалистовъ вотировать военные кредиты. Обѣ эти цѣли конференція не смогла провести. Противъ резолюціи о запрещеніи соціалистамъ голосовать за кредиты, высказались, какъ это ни странно, — лѣвые нѣ-

мецкіе соц-дем-ты во главѣ съ Ледебуромъ, тѣмъ самымъ, который нынѣ значится среди отколовшихся отъ большинства. Ледебуръ находилъ невозможнымъ, чтобы запрещеніе вотировать кредиты исходило отъ интернаціональной конференціи! Такое запрещеніе должна была вынести, по его мнѣнію, не интернаціональная, а, напротивъ, національная конференція самихъ нѣмецкихъ демократовъ, дабы не говорили, что они отказываютъ своему отечеству въ кредитахъ по наущенію и указанію иностранцевъ!..

На конференціи въ Циммервальдѣ вопросъ о кредитахъ, ради котораго она собственно и собралась, былъ, вслѣдствіе оппозиціи Ледебура, снятъ съ очереди. Даже въ этомъ вопросѣ оказалось невозможнымъ выработать нѣкоторую обязательную для всѣхъ, интернаціональную норму поведенія. Конференція, собравшаяся для возстановленія Интернаціонала, могла, такимъ образомъ, лишь подтвердить тотъ кризисъ и ту безвыходность, въ которомъ Интернаціоналъ находился, да и теперь находится.

Чѣмъ вызванъ этотъ кризисъ и какъ онъ можетъ быть разрѣшенъ, — таковы вопросы, стоящіе передъ нами. Ихъ можно изучать, конечно, разными путями, какъ съ помощью конкретнаго, индуктивнаго анализа, такъ и разборомъ общихъ теоретическихъ положеній, которыми руководился Интернаціоналъ. Изъ этихъ двухъ путей для изученія кризиса современнаго международнаго движенія мы выбираемъ первый: путь конкретнаго анализа. Объектомъ-же для него мы возьмемъ одно явленіе, невольно останавливающее на себѣ наше вниманіе, — это волонтерское движеніе русскихъ эмигрантовъ во Франціи. Соціалисты, пошедшіе въ буржуазную армію для борьбы съ нѣмецкими войсками, чуть-что не на половину составленными изъ соціалъ-демократовъ; пошедшіе туда добровольно, въ качествѣ волонтеровъ, не дожи-

даясь ни понужденій, ни приглашеній съ чьей бы то ни было стороны,—эта такая яркая иллюстрація къ общему кризису въ международномъ движеніи, краснорѣчивѣе которой трудно подыскать. Тутъ, въ этой волонтерской группѣ, дѣло шло не о какомъ-нибудь вотированіи кредитовъ, не выходящемъ изъ рамокъ чисто парламентарной оппозиціи. Тутъ люди прямо брались за оружіе, шли въ траншеи умирать и, умирая, убивать другихъ. И это страшное рѣшеніе предпринимали убѣжденные соціалисты, принципіальные сторонники мира. Чѣмъ же они руководились и въ чемъ видѣли оправданіе своихъ дѣйствій?

Мы не можемъ отвѣтить на это сразу же, въ общей формѣ. Мы и здѣсь будемъ искать отвѣта постепенно, переходя отъ одного конкретнаго факта къ другому, шагъ за шагомъ подвигаясь на этомъ трудномъ и скорбномъ пути. Съ одного изъ такихъ частныхъ, конкретныхъ фактовъ мы и начнемъ.

Среди русскихъ волонтеровъ, погибшихъ на французскомъ фронтѣ, есть одинъ эмигрантъ, смерть котораго невольно останавливаетъ на себѣ наше вниманіе. Имя этого эмигранта— Степанъ Николаевичъ Слетовъ. Его литературный псевдонимъ, подъ которымъ онъ печаталъ свои статьи (за послѣднее время, по исторіи народничества 90-хъ и 900-хъ гг.).— Степанъ Нечетный. Подъ такимъ же псевдонимомъ онъ былъ извѣстенъ въ кругахъ своихъ товарищей по убѣжденіямъ. О его смерти въ парижской газетѣ „За рубежомъ“ отъ 13 іюня мы находимъ такую замѣтку:

„Въ ночь съ 6-го на 7-е іюня убитъ въ бою около Вокуа волонтеръ Степанъ Николаевичъ Слетовъ, бывшій членъ Центр. Комит. Народнической партіи, ближайшій нашъ сотрудникъ, писавшій подъ псевдонимомъ Ст. Нечетный“.

Тамъ же, откуда я беру эту замѣтку, есть письмо съ фронта объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть Слетова.

„9-ое іюня.—Вы уже знаете нашу потерю. Степанъ Николаевичъ убитъ взрывомъ шрапнели. Онъ, видимо, былъ пораженъ сразу, такъ какъ весь былъ пронизанъ пулями и осколками. Черезъ двѣ-три минуты, когда мы бросились подбирать раненыхъ, онъ уже не жилъ. Въ этотъ день французы произвели атаку и подожгли нѣмецкія траншеи. Поднята была страшная канонада. Казалось, работало все, что могло убивать. Дышать трудно было отъ дыма и пыли. Мы стояли на нѣсколько сотъ метровъ отъ центра, на открытомъ мѣстѣ, подъ страшно сильнымъ огнемъ, и готовились выступить въ атаку. Когда взорвался снарядъ, мы съ К. стояли въ нѣсколькихъ метрахъ отъ мѣста взрыва и сразу же поняли, что Ст. Н. уже нѣтъ. Такъ и было. Взрывъ произошелъ какъ разъ надъ его головой. Осталось на мѣстѣ семь убитыхъ и семь раненыхъ".

Черезъ нѣсколько дней тотъ же корреспондентъ еще разъ возвращается къ своимъ впечатлѣніямъ отъ смерти С. Н. Слетова.

„Смерть Степана Николаевича тяжелымъ кошмаромъ лежитъ на сердцѣ, и все еще не пришло то время, когда о ней можно было бы говорить спокойно. Сейчасъ мы опять въ траншеяхъ, въ 15 — 20 метрахъ отъ непріятеля. Послѣдній разъ мы стояли тутъ 4 дня назадъ. Въ слѣдующіе дни насъ перевели нѣсколько влѣво отъ центра горы Вокуа въ траншеи, гдѣ нѣмцы стояли отъ насъ по крайней мѣрѣ, метровъ на 300. Это спокойное безъ минъ и „crapouillets" мѣсто.

„И кто знаетъ, можетъ быть, не было бы этой смерти, если бы французы не вздумали сдѣлать, или вѣрнѣе, попытаться сдѣлать атаку.

„Трудно описать происходившее. Я, по крайней мѣрѣ, не нахожу словъ. Все это будетъ слишкомъ незначительно, если я скажу, что въ продолженіе часа не было, можетъ быть, се-

кунды, когда бы не рвался снарядъ, что трудно было дышать отъ огня и пыли, и что ѣло глаза. Особенно злостно и настойчиво по нашей траншеѣ било видимое издалека крупное нѣмецкое орудіе, стрѣлявшее шрапнелью.

„Мы стояли рядомъ, Степанъ Николаевичъ—въ нѣсколькихъ метровъ отъ насъ. Ударъ, который убилъ его, унесъ съ собой семерыхъ и семерыхъ ранилъ. Степанъ Николаевичъ былъ убитъ мгновенно. На лбу около праваго виска была тоненькая черточка отъ удара осколкомъ, была разбита грудь, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ изрѣшетено тѣло.

„Лицо хранило спокойное, моложавое выраженіе. Онъ лежалъ раскинувшись на спинѣ.

„Послѣднее время онъ много, (принимая во вниманіе ту обстановку, въ которой онъ находился), работалъ. Онъ дѣлился часто со мной впечатлѣніями отъ своей работы и въ послѣднее время былъ мягокъ и общителенъ. Словно навсегда пропала въ немъ эта ворчливая суровость, такъ присущая ему раньше. Онъ строилъ планы. Говорилъ о будущей работѣ въ Россіи, о томъ, что нужно создать партію непосредственнаго практическаго дѣла, безъ красныхъ словъ и красныхъ позъ“...

Изъ числа русскихъ волонтеровъ во французской арміи Ст. Н. Слетовъ умеръ не первымъ и, конечно, не послѣднимъ. Всего считается что двѣ трети волонтерскаго отряда уже выбыло изъ строя. Двѣ трети общаго числа! И эта цифра относится всего лишь къ первому году войны, а когда война кончится, этого вѣдь никто не знаетъ. Мы только знаемъ одно: прежде чѣмъ она окончится, русскій отрядъ волонтеровъ во Франціи едва-ли не перестанетъ существовать: одни будутъ перебиты, другіе искалѣчены. И это еще хорошо, о нихъ по крайней мѣрѣ будетъ извѣстно, гдѣ они погибли или искалѣчены. Съ другими станетъ еще хуже, ибо есть уже

теперь потерянные безъ вѣсти, какъ исчезъ безъ вѣсти, во время сентябрьскаго наступленія въ Шампаньи, волонтеръ Леонидъ Вареновъ. Гдѣ онъ теперь, никто не знаетъ.

Перебито и искалѣчено двѣ трети общаго числа. Это значитъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Среди нихъ погибло не мало рядовыхъ работниковъ, но были также люди съ крупными именами, гибель которыхъ и поступленіе въ волонтеры имѣютъ нѣкоторое символизирующее, общественное значеніе. Вотъ къ людямъ съ подобными именами и принадлежалъ покойный Ст. Н. Слетовъ.

Обычно въ волонтеры идетъ пылкая, увлекающаяся молодежь. Даже въ знаменитой—„Тысячѣ"—Гарибальди, съ которой онъ началъ свой знаменитый походъ въ Сицилію, преобладала молодежь. Не даромъ же многіе изъ нихъ потомъ дожили почти до нашихъ дней. Броситься въ волонтеры для того, чтобы погибнуть красивой героической смертью, это такъ естественно для полной силы и энтузіазма юности. Всѣ мы увлекаемся въ молодости великими идеями, всѣ мы въ двадцать, много въ двадцать пять лѣтъ готовы погибнуть за человѣчество, а—какъ говоритъ у Горькаго „писатель, который зазнался",—а въ тридцать пять у насъ уже каменные дома! Не на этой-ли почвѣ юношескаго энтузіазма создалось и волонтерское теченіе во Франціи?!

Примѣръ Ст. Н. Слетова заставляетъ насъ въ послѣднемъ нѣсколько усумниться. Покойному Слетову было больше тридцати пяти лѣтъ, но онъ не имѣлъ ни каменныхъ домовъ, ни даже стремленія къ нимъ. Про него никакъ нельзя было бы сказать, что онъ пошелъ въ волонтеры подъ вліяніемъ какого-нибудь мимолетнаго настроенія. Въ моментъ смерти ему было почти 40 лѣтъ (онъ родился 1 февраля 1876 г.), а такой возрастъ гарантируетъ человѣка отъ необдуманныхъ и случайныхъ рѣшеній. Будучи сорока лѣтъ отъ роду, онъ почти

всю свою сознательную жизнь провелъ въ рядахъ общественныхъ борцовъ за лучшее будущее своей родины. Онъ занималъ здѣсь всевозможные посты—отъ рядового работника до члена центральнаго комитета. Онъ изучалъ общественное движеніе, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Онъ былъ образованнымъ, всесторонне развитымъ человѣкомъ, съ большими умственными запросами. Товарищи цѣнили его острый, въѣдливый умъ; его недюжинную способность къ самостоятельному мышленію. Съ его смертью изъ жизни уходилъ хорошій организаторъ, талантливый публицистъ и историкъ общественнаго движенія. Исторіи общественнаго движенія онъ посвящалъ за послѣдніе 10 лѣтъ своей жизни особенное вниманіе, выдвинувшись въ частности, какъ историкъ новѣйшаго русскаго народничества.

Такъ, въ 1912 г. Слетовъ опубликовалъ въ заграничной литературѣ большой трудъ: „Очерки по исторіи лѣваго народничества“, полный цѣннаго фактическаго матеріала. Тогда же онъ помѣстилъ въ Сборникѣ „Народное Дѣло“, вып. VII, статью: „Сто лѣтъ борьбы за народное дѣло“, представляющую популярный разсказъ о судьбахъ русскаго общественнаго движенія за XIX вѣкъ и начало XX вѣка. Затѣмъ въ № XII „Современника“ за 1911 г. читатель найдетъ интересную замѣтку Слетова, озаглавленную: „Мартовъ о русскомъ общественномъ движеніи“. Замѣтка написана по поводу 22 и 23 вып. „Исторіи русской литературы въ XIX вѣкѣ“ изд. т-ва „Міръ“, подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Еще раньше, въ 1907 г., въ сборникѣ: „Коллективистъ“ покойный Степанъ Ник. далъ первоначальный эскизъ своихъ будущихъ очерковъ по исторіи народничества: „Шагъ за шагомъ“, и тогда же въ сборникѣ „Эхо“ напечаталъ замѣтку полемическаго характера: „Спекуляція на чужихъ ранахъ“, посвященную книгѣ Владимирова о М. А. Спиридоновой. Занимался также по-

койный Слетовъ, и занимался очень усиленно, работой по исторической библіографіи народническаго теченія, но, къ сожалѣнію, этотъ трудъ его остался не законченнымъ изъ-за войны *).

Какъ бы ни оцѣнивать всѣ эти работы Слетова, но ясно, что онѣ принадлежатъ человѣку, уже опредѣлившему свое мѣсто въ жизни, уже нашедшему извѣстное приложеніе своимъ силамъ. Онъ могъ бы и дальше идти спокойно по этой стезѣ, отнюдь не рискуя оказаться подъ нѣмецкими шрапнелями. Но онъ пренебрегъ этимъ спокойствіемъ и сознательно пошелъ почти на вѣрную смерть.

Пересматривая теперь литературныя работы Слетова сквозь призму тѣхъ настроеній, которыя привели его къ трагическому концу, мы находимъ въ нихъ многое интересное вообще и въ частности, интересное, какъ матеріалъ для объясненія его будущаго поступленія въ волонтеры, несмотря на то, что о своемъ будущемъ волонтерствѣ онъ тогда не могъ и думать. Интересны прежде всего и заслуживаютъ быть отмѣченными въ литературѣ, общіе взгляды Слетова на то теченіе, къ которому онъ принадлежалъ. Слетовъ былъ народникомъ, хотя и прошедшимъ нѣкоторый марксистскій искусъ, и народничество онъ разсматривалъ, какъ первую попытку русской интеллигенціи создать стройную теорію массового народнаго движенія и построить, сообразно указаніямъ такой теоріи, соотвѣтствующую ей практику. Идейные корни народничества онъ отыскивалъ не въ ученіяхъ славянофиловъ, какъ это часто у насъ дѣлается, а въ крайнемъ лѣвомъ крылѣ декабристовъ и даже еще дальше,—у Радищева. Поэтому во всѣхъ своихъ статьяхъ С. Н. Слетовъ особенное вниманіе удѣлялъ аграрной программѣ

*) См. также „Списокъ работъ Л. Э. Шишко", составленный С. Н. Слетовымъ. Напечатанъ въ брошюрѣ: „Памяти Л. Э. Шишко".—Этотъ списокъ представляетъ образцовую библіографическую работу.

Пестеля съ ея планомъ, для своего времени прямо геніальнымъ, обобществленія земли.

Однако, не одними только работами по исторіи русскаго народничества привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе дѣятельность покойнаго Слетова. Литературныя занятія никогда не могли поглотить всѣхъ его силъ, несмотря даже на то, что онъ выступалъ, не только какъ историкъ, но и какъ публицистъ своей партіи. Помимо участія въ литературной разработкѣ партійной программы и всего народническаго міровоззрѣнія, Ст. Н. занималъ очень видное мѣсто въ ряду руководителей чисто практической дѣятельностью народниковъ 90-хъ и 900-хъ гг. И въ этомъ случаѣ очень важно отмѣтить, что лично его всегда тянуло къ непосредственной работѣ въ массахъ, въ крестьянствѣ особенно. Стремленіе къ работѣ на низахъ очень рѣзко проявилось у него еще въ 90-хъ гг., когда онъ принималъ участіе въ возрожденіи русскаго народничества. На этой полосѣ его жизни я останавливаюсь возможно подробнѣе. Она тоже объяснитъ намъ многое и въ позднѣйшемъ поведеніи Ст. Н., вплоть до поступленія его въ волонтеры.

Какъ видно изъ очерковъ Слетова „По исторіи партіи лѣваго народничества“, а также изъ его статьи о Мартовѣ, указанной выше, возрожденіе русскаго народничества началось только съ средины 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. Время это было очень неблагопріятнымъ какъ разъ для возрожденія той чисто народнической идеи о работѣ въ средѣ крестьянства, которая особенно занимала Слетова. Девяностые годы совершенно игнорировали народническую „проблемму о мужикѣ“, занимавшую передъ тѣмъ главный центръ вниманія русской интеллигенціи. Все это отошло на задній планъ, потеряло свой прежній престижъ, и въ 90-хъ гг. гремѣли только одни мужики—чеховскіе, въ которыхъ видѣли тогда полную

реализма картину безпросвѣтной дикости русской деревни.— „Коротко, вѣдь, и ясно сказано,— писалъ въ то время о чеховскомъ разсказѣ В. Я. Богучарскій,—му-жи-ки“ [1]) подчеркивая такой разстановкой слоговъ обобщающее значеніе нашумѣвшаго разсказа Чехова.

Пессимизмъ въ оцѣнкѣ крестьянства былъ настолько великъ, что сказывался въ то время даже на народническихъ программахъ дѣятельности. Народническіе кружки распадались тогда на два теченія, одно концентрировалось на сѣверѣ, другое на югѣ. Съ сѣвера пошло скептическое отношеніе къ идеѣ о возможности плодотворной работы, теперь же, въ массахъ крестьянства. На сѣверѣ движеніе зарождалось въ городахъ, тяготѣло, главнымъ образомъ, къ интеллигенціи и къ городскимъ рабочимъ кругамъ, идейно-же оно выливалось въ признаніе активной борьбы за реформу политическую. Съ сѣвера пошло, такимъ образомъ, ярко политическое настроеніе съ отстаиваніемъ личной иниціативы въ общественномъ движеніи. Поэтому тамъ, на сѣверѣ, преимущественно въ столицахъ, Петербургѣ и Москвѣ, а равнымъ образомъ на Волгѣ, напр., въ Саратовѣ („Саратовъ—говоритъ Слетовъ—въ 90 годы являлся очагомъ разныхъ общественныхъ программъ“) народническія силы изъ интеллигенціи искали своей главной опоры въ передовыхъ слояхъ населенія, оставляя деревню, пока что, внѣ поля своего зрѣнія. Совсѣмъ иное отношеніе къ крестьянству господствовало среди южныхъ народовъ, къ которымъ принадлежалъ и Слетовъ.

Сознательная жизнь Слетова началась съ первой половины 90-хъ гг. Еще будучи гимназистомъ въ Тамбовѣ (фамилія Слетовыхъ хорошо извѣстна въ Тамбовской губ.), Ст. Ник. имѣлъ уже связи съ мѣстными крестьянскими кружками. Позже, сту-

---

[1]) См. ст. „Что такое земледѣльческіе идеалы“, „Начало“, мартъ 1899 г., стр. 96.

дентомъ Московскаго ун-та, онъ окончательно выработалъ свои взгляды. Студенчество Слетова совпало съ чрезвычайнымъ развитіемъ въ литературѣ и въ жизни русскаго марксизма. Будучи народникомъ, Слетовъ, однако, усваивалъ, хотя и въ собственной переработкѣ, многія положительныя идеи марксизма, въ особенности идею о роли массъ въ общественной жизни, или, иначе говоря, идею о классовой борьбѣ. Борьба классовъ претворялась для него въ старо-народническое преклоненіе передъ толпой, массой, народомъ, а мысля идеею толпы, народа, массы, Слетовъ не могъ отдѣлить отъ нея дорогихъ уже ему представленій въ частности и о роли крестьянства въ общественной жизни. Эти идеи о классовой борьбѣ трудового крестьянства Слетовъ и началъ проводить въ южныхъ народническихъ кружкахъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что на исторіи народничества 90-хъ гг. отражалось какъ бы все развитіе тѣхъ же народническихъ идей въ предыдущую эпоху. Народники 90-хъ гг. черпали свои идеи и воспринимали руководящіе принципы изъ литературы 70-хъ гг., а въ 70-е гг., какъ разъ и произошелъ переходъ отъ преклоненія передъ массовымъ движеніемъ къ признанію крупнаго значенія за личной иниціативой въ общественной борьбѣ. Но только тамъ этотъ переходъ совершался во времени, здѣсь же, въ 90-хъ гг., наблюдалось параллельное развитіе старыхъ настроеній, происходившее въ одинъ и тотъ же моментъ, но въ разныхъ концахъ нашей родины. Переходъ во времени замѣнился здѣсь своего рода пространственнымъ распредѣленіемъ разныхъ идей. Постепенно, однако, эти идеи сливались во едино и такимъ образомъ получилось то возрожденное народничество 90-хъ гг., которое преклоненіе передъ идеей народныхъ массъ сочетало съ повышенной личной активностью, обосновавъ на этой почвѣ широко разработанное міросозерцаніе и соотвѣтствующую практику.

Какимъ образомъ произошло такое сочетаніе двухъ самостоятельныхъ зародившихся идей въ одномъ общемъ міровоззрѣніи, мы здѣсь не можемъ разсматривать. Для этого намъ пришлось бы отодвинуть нѣсколько въ сторону фигуру Слетова и сосредоточить вниманіе на совершенно иномъ лицѣ, именно на Е. К. Брешковской, къ направленію которой собственно и примкнулъ впослѣдствіи Слетовъ. Но заходить такъ далеко въ сторону мы здѣсь не можемъ. На этихъ строкахъ мы можемъ только отмѣтить, что „слетовское" отношеніе къ крестьянству далеко не сразу получило общее признаніе въ народническихъ кругахъ. Чрезвычайно характерна въ этомъ отношеніи судьба статьи Слетова: „У земли". Въ этой статьѣ Слетовъ собралъ чрезвычайно обширный матеріалъ по начинавшемуся крестьянскому движенію; использовалъ какъ оффиціальныя данныя, такъ и газетныя статьи и замѣтки, взятыя имъ безразлично изъ русской и заграничной печати; затѣмъ, присоединивъ сюда свои личныя наблюденія, онъ показалъ въ живой образной формѣ, чѣмъ живетъ современная деревня, какъ богата въ ней почва для соціалистической пропаганды, какъ близокъ большой подъемъ народнаго движенія не только въ городахъ, а и въ деревнѣ, среди чеховскихъ му-жи-ковъ...

Несмотря на то, что очеркъ Слетова представлялъ несомненно крупный интересъ, не только для этого времени, но и для настоящаго, — онъ только съ большимъ трудомъ и послѣ долгихъ переговоровъ нашелъ доступъ въ тогдашнія народническія изданія, боявшіяся какъ бы имъ не погрѣшить излишнимъ оптимизмомъ по отношенію къ крестьянству. Въ концѣ концовъ статью Слетова все таки напечатали, но сопроводивъ ее редакціоннымъ примѣчаніемъ, которымъ редакція, какъ частоколомъ, старалась отгородить себя отъ нѣсколько увлекающагося, какъ ей казалось, автора. Событія вскорѣ пока-

зали, что дѣйствительность могла превзойти самый рѣшительный оптимизмъ и тогда точка зрѣнія Слетова сразу восторжествовала. Но это случилось только въ 900-хъ годахъ, послѣ того какъ всякій Ѳома Невѣрный могъ вложить персты въ гвоздяныя язвы крестьянскаго движенія. Совсѣмъ не то было въ предшествующую эпоху, за какіе нибудь три-четыре года передъ тѣмъ. Тогда надо было обладать очень большой иниціативой мысли и дѣйствія, что бы въ моментъ почти полнаго пессимизма по отношенію къ крестьянству выступить съ программой *аграрно*-общественной дѣятельности. Надо было не только словомъ, но главное на практикѣ личнымъ примѣромъ доказать правильность, возможность и плодотворность разъ намѣченнаго пути. На долю Слетова выпало большое счастье принять непосредственное участіе въ выполненіи этой большой и отвѣтственной работы.

Я думаю, читатель не особенно сѣтуетъ на меня за это уклоненіе въ сторону отъ взятой нами темы. Да и уклоненія, собственно, большого нѣтъ. Останавливаясь на участіи Слетова въ возрожденіи интереса къ крестьянству, я хотѣлъ лишь подчеркнуть одну характерную черту его нравственнаго склада. Это именно желаніе, несомнѣнно присущее Слетову, быть всегда возможно ближе къ народу, желаніе слиться съ нимъ духовно, нести на себѣ его горе и страданія, указывать ему лучшій путь къ свѣтлому будущему. Такова несомнѣнно была основная психологическая подъ-почва крупной работы, совершенной Слетовымъ въ моментъ возрожденія русскаго народничества. И вотъ теперь этотъ же самый человѣкъ, такъ много видѣвшій, такъ много испытавшій,—человѣкъ, за которымъ числятся слишкомъ *двадцать* лѣтъ напряженной общественной работы; талантливый, самостоятельный во взглядахъ, способный къ личной иниціативѣ партійный работникъ; смѣлый, принимавшій участіе не только въ организаціи мас-

соваго движенія, но и въ самыхъ отвѣтственныхъ актахъ, связанныхъ съ повышенной активностью и съ личной инициативой въ общественной борьбѣ,—умеръ на посту рядового солдата французской арміи. Онъ, испытанный, глубоко-убѣжденный народникъ-интернаціоналистъ, старавшійся въ народничество внести идеи классовой борьбы,—самъ добровольно пошелъ въ солдаты и, никѣмъ не понуждаемый, не ожидая ничьего указанія, принялъ активное участіе въ современной „имперіалистской“ войнѣ.

Если бы рѣшеніе Слетова пойти въ волонтеры диктовалось какими-нибудь частными, индивидуальными причинами и соображеніями, тогда, конечно, въ немъ не было бы ничего удивительнаго. Но его поступленіе во французскую армію совпадаетъ съ общимъ кризисомъ въ международномъ соціалистическомъ движеніи, кризисомъ, созданнымъ текущими событіями и равносильнымъ чуть-что не полной катастрофѣ. Того что сейчасъ происходитъ въ соціалистическомъ интернаціоналѣ, можно сказать, никогда не было, да едва ли когда-нибудь еще разъ повторится. При таких условіяхъ поступленіе въ волонтеры одного изъ очень крупныхъ дѣятелей вполнѣ опредѣленнаго направленія, какимъ былъ, несомнѣнно, Слетовъ, представляетъ выдающійся общественный интересъ. Очевидно, было что-то такое въ самихъ событіяхъ, въ общемъ ходѣ вещей, противостоять чему Слетовъ не могъ, какъ не могли этому противостоять и другіе русскіе волонтеры. Дать подробную картину этихъ событій и связаннаго съ ними крушенія Интернаціонала дѣло будущаго историка,—у современника не найдется для этого ни силъ, ни времени. Но охарактеризировать ихъ на конкретномъ примѣрѣ вполнѣ возможно и трудно найти болѣе подходящій примѣръ для этого, чѣмъ поступленіе въ волонтеры Слетова, бывшаго въ числѣ основателей и наиболѣе видныхъ руководителей одной изъ нашихъ соціалистическихъ партій.

II. Русскіе волонтеры во французской арміи.

На первый взглядъ вступленіе Слетова въ число волонтеровъ можетъ быть объяснено очень просто. — „Степанъ Николаевичъ, особенно послѣ раскрытія провокаціи Азефа, по его собственному признанію, приближался къ такъ называемому ликвидаторству“, — говоритъ о Слетовѣ одинъ изъ его близкихъ товарищей-единомышленниковъ [1]).

Это настроеніе въ пользу „ликвидаторства“ особенно созрѣло въ Слетовѣ во время одной его поѣздки по Россіи въ 1911—1912 гг. Изъ Россіи Слетовъ вернулся съ большимъ запасомъ новыхъ впечатлѣній, о которыхъ онъ разсказалъ тогда же въ своей статьѣ „На родинѣ“.—Замѣтки и впечатлѣнія подпольнаго человѣка.—Статья была напечатана въ № 1 журнала „Починъ“. Съ тѣхъ поръ Слетовъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими видными народниками (Авксентьевъ, Бунаковъ, Вороновъ, и др.) вошелъ въ группу „Почина“ и сдѣлался, выражаясь заграничнымъ жаргономъ, „починовцемъ“. „Что такое „починовцы“ и какое мѣсто они занимаютъ въ исторіи русскаго народничества послѣднихъ лѣтъ—я не могу здѣсь излагать, но кое-что тутъ объясняетъ вышеприведенная фраза самого Слетова о его сочувствіи такъ называемому „ликвидаторству“. Такимъ же вотъ „ликвидаторомъ“ старой тактики и многихъ старыхъ взглядовъ въ народничествѣ и былъ за послѣдніе годы своей жизни Слетовъ. При такомъ настроеніи казалось бы неудивительно его поступленіе въ волонтеры: оно, вѣдь, тоже могло быть слѣдствіемъ „ликвидаторства“ но только уже въ болѣе широкомъ масштабѣ.

Въ „качествѣ „ликвидатора“, Слетовъ своимъ поступленіемъ въ волонтеры отрѣшался какъ бы отъ старыхъ интер-

---

[1]) См. ст. Б. Воронова о Слетовѣ въ № 3 журнала „За рубежемъ“.

національныхъ традицій, переходилъ на совершенно другую, національно-патріотическую точку зрѣнія, поставивъ себя тѣмъ самымъ *„за рубежемъ“* соціализма. Объясненіе это очень просто, но едва-ли правильно.

За послѣдніе годы, еще передъ войной, у насъ установился обычай рѣшать многіе сложные вопросы чрезвычайно простымъ путемъ. Стоило только опредѣлить, какое отношеніе имѣло то или иное явленіе къ такъ называемому „ликвидаторству“, и дѣло становилось сразу яснымъ. Примѣняется тотъ же пріемъ и теперь, притомъ самыми разнообразными теоретиками нашего общественнаго движенія. Къ войнѣ отнеслись сочувственно „ликвидаторы“ всѣхъ партій странъ, начиная отъ нѣмецкихъ ревизіонистовъ, давно уже склонявшихся къ социалистическому имперіализму, и кончая „народническими меньшевиками“ въ Россіи,—вотъ фактъ, на констатированіи котораго сошлись одинаково, какъ Плехановъ и Ленинъ съ одной стороны, такъ и Черновъ съ другой.

Плехановъ объявляетъ въ брошюрѣ о войнѣ, что германская соц.-демократія вотировала военные кредиты потому, что она давно уже находится подъ идейнымъ вліяніемъ нѣмецкихъ „ликвидаторовъ“-ревизіонистовъ, отказавшихся отъ наслѣдства Маркса и Энгельса. Одновременно съ этимъ Ленинъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, еще болѣе усилилъ свои аттаки на русскихъ „меньшевиковъ“, заподозрѣвая ихъ въ сочувствіи къ тактикѣ нѣмецкихъ ревизіонистовъ. Черновъ-же охотно склоняется къ зачисленію всѣхъ своихъ противниковъ въ вопросѣ о войнѣ въ лагерь „починовцевъ“, каковымъ „починовцемъ“ былъ, между прочимъ, и покойный Слетовъ. И если Плехановъ въ позиціи нѣмецкихъ соц.-дем. видѣлъ „ликвидацію“ стараго наслѣдства Маркса и Энгельса, то совершенно такъ же Черновъ и Ленинъ отнеслись къ поступленію людей, подобныхъ Слетову, въ волонтеры. Для нихъ тутъ была со-

вершенно опредѣленная „*измѣна*“ прежнимъ интернаціональнымъ традиціямъ, провозглашеннымъ на международныхъ конгрессахъ. Какъ часто напоминалось за послѣдніе мѣсяцы, что Интернаціоналъ всегда на своихъ конгрессахъ, въ особенности же на Штутгартскомъ 1907 года и на Базельскомъ 1913 г., высказывался противъ войны. Не ясно-ли, поэтому, что люди, пошедшіе нынѣ волонтерами въ одну изъ воюющихъ армій, тѣмъ самымъ ликвидировали прежнія традиціи, узаконенныя общественнымъ мнѣніемъ пролетаріата всего міра...

Я не стану здѣсь подробно разсматривать, насколько осно вательно такое мнѣніе объ „измѣнѣ“ русскихъ волонтеровъ постановленіямъ международныхъ конгрессовъ въ Базелѣ и Штутгартѣ. Я замѣчу лишь, что оба эти конгресса были не болѣе, какъ демонстраціей абстрактнаго общественнаго мнѣнія Интернаціонала. Никакихъ серьезныхъ практическихъ мѣръ для борьбы противъ войны въ сколько-нибудь императивной формѣ они тогда не рекомендовали и не могли рекомендовать, хотя отнюдь не потому, чтобы этому помѣшали „ликвидаторы“. Напротивъ. На Штутгартскомъ конгрессѣ очень радикальная резолюція противъ войны была предложена какъ разъ „ликвидаторомъ“ Жоресомъ, а провалили ее германскіе делегаты, въ томъ числѣ ортодоксы въ родѣ Бебеля или Зингера. Нѣмецкая делегація еще тогда высказывалас почти вся цѣликомъ, за исключеніемъ небольшой группы Карла Либкнехта, не противъ войны, а противъ антивоенной пропаганды въ арміи. Нѣмецкіе ортодоксы находили, что такая пропаганда вызвала бы градъ преслѣдованій на ихъ организаціи и поставила бы ихъ въ крайне тяжелое положеніе. Какъ же они могли бы при такомъ настроеніи вотировать за резолюцію Жореса?!

Строго говоря, уже на Штутгартскомъ конгрессѣ 1907 г. вполнѣ намѣтился тотъ разгромъ Интернаціонала, который

2

такъ поражаетъ современнаго наблюдателя европейской жизни. Подъ вліяніемъ непреклонной оппозиціи со стороны нѣмецкой соц.-дем., начиная съ Фольмара и кончая Бебелемъ, „ликвидаторъ“ Жоресъ долженъ былъ устранить императивный характеръ изъ своей резолюціи. Чтобы спасти ее, онъ ее обезкроилъ. Первоначально въ его резолюціи рабочему классу въ самой категорической формѣ рекомендовался извѣстный рядъ мѣръ по формулѣ: „въ случаѣ если въ какомъ либо изъ государствъ будетъ объявлена завоевательная война, то рабочій классъ этой страны обязанъ отвѣтить на это тѣмъ-то и тѣмъ-то“. Но такъ какъ это обязательство германская соц.-дем-ія и тогда не желала принимать на себя, то повелительный характеръ резолюціи Жореса, составлявшій въ сущности весь ея смыслъ, былъ изъ нея совершенно устраненъ. Чтобы примирить съ собой нѣмецкую делегацію, прекрасно понимавшую, какую тяжесть возлагаетъ на ея рамена резолюція Жореса,— Конгрессъ замѣнилъ въ ней повелительный характеръ описательнымъ. Прочтите резолюцію Штутгартскаго конгресса о войнѣ,—а о ней столько разъ упоминалось за послѣдніе полтора года,—и вы увидите, что тамъ на рабочій классъ Зап. Европы не возлагается никакого обязательства, а говорится лишь, что когда вспыхивала война, какъ напр., въ Россіи японская или въ Испаніи марокская, то пролетаріатъ тѣхъ странъ предпринималъ такія-то и такія-то мѣры. А нужно ли было ихъ предпринимать,—этого резолюція вовсе не предрѣшаетъ?

Иначе говоря, самъ же Штутгартскій конгрессъ открылъ настежь двери для той „измѣны“ его собственнымъ постановленіямъ, о которой теперь такъ много говорится всуе. Подъ нѣсколько завуалированной формой,—эту вуаль пытался тогда сорвать на пленарномъ засѣданіи Густавъ Эрве,—Штутгартскій конгрессъ фактически призналъ, что общаго интернаціо-

нальнаго выступленія нельзя было ждать въ моментъ конфликта. Уже тогда въ 1907 году самая организованная, самая сильная, самая авторитетная часть интернаціонала, въ лицѣ нѣмецкой делегаціи, отказалась принять на себя моральное обязательство для выполненія резолюцій конгресса. Уже тогда было ясно въ виду такого отказа, что собственно никакого Интернаціонала, какъ практически-организованной силы вовсе не существуетъ, что онъ сразу распадется, какъ только человѣчество станетъ передъ лицомъ мірового конфликта. Такъ оно и случилось. И какими дѣтскими кажутся теперь всѣ попытки объяснить это случившееся какой-то неожиданной измѣной какихъ-то ликвидаторовъ. Причемъ тутъ „ликвидаторы", когда напротивъ „ликвидаторская" резолюція Жореса была провалена голосами ортодоксовъ...

Къ тѣмъ же самымъ выводамъ мы можемъ притти и нѣсколько инымъ путемъ. Посмотримъ прежде всего, каковъ численный составъ русской группы волонтеровъ во Франціи. Покойный Ст. Н. Слетовъ не одинъ, вѣдь, пошелъ въ волонтеры, такъ какъ волонтерское теченіе въ средѣ эмигрантовъ сразу же приняло групповой, коллективный характеръ. Вотъ нѣсколько цифръ, относящихся ко всей волонтерской статистикѣ во Франціи. Всего волонтеровъ всѣхъ національностей въ иностранномъ легіонѣ французской арміи считалось къ 1 декабря 1914 года—28.266 человѣкъ. Наиболѣе многочисленной была итальянская когорта, прогремѣвшая своими аттаками въ Арагоннахъ, подъ начальствомъ Пеппино Гарибальди. „Путь къ Тріесту лежитъ черезъ Арагонны",—заявлялъ тогда молодой Гарибальди. Подъ его начальствомъ находилось до 5.000 итальянскихъ волонтеровъ. Теперь весь этотъ отрядъ распущенъ, а самъ Пеппино Гарибальди борется съ австрійцами въ Трентино.

Вторымъ по численности является русскій волонтерскій отрядъ. Въ немъ 3.393 человѣка. Говоря о русскихъ волонте-

рахъ такого типа, какъ Слетовъ, я, однако, имѣю въ виду не всѣхъ русскихъ волонтеровъ, а только опредѣленную ихъ группу, составившуюся изъ русскихъ политическихъ эмигрантовъ. Таковыхъ считается до 600. Допустимъ даже, что ихъ меньше (на самомъ дѣлѣ ихъ больше, а не меньше 600) но во всякомъ случаѣ не всѣ же они пошли въ волонтеры изъ „ликвидаторскихъ“ соображеній. Этотъ фактъ станетъ тѣмъ болѣе значительнымъ въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, какое вліяніе оказала война въ дѣйствительности на старыя партійныя подраздѣленія. На первый взглядъ можетъ, конечно, показаться, что она ихъ только усилила, еще болѣе углубивъ водораздѣльную линію между ортодоксами и ревизіонистами. Но по существу это простой обманъ зрѣнія. Едва война разразилась, какъ она, напротивъ, сразу разбила всѣ старыя партійныя подраздѣленія и группировки, создавъ на ихъ мѣстѣ совершенно новыя.

Читатель не долженъ смотрѣть на эти слова, какъ на преувеличеніе. Годъ тому назадъ немыслимо было бы даже представить себѣ то партійное размежеваніе въ Зап. Европѣ, а въ частности въ средѣ русскихъ эмигрантовъ, которое создалось теперь подъ вліяніемъ происходящихъ событій. Что будетъ послѣ войны мы, конечно, не знаемъ, но сейчасъ какъ среди европейскихъ, такъ и среди русскихъ соціалистовъ, война, несомнѣнно, разбила прежнія группировки, характерныя для эпохи „второго Интернаціонала“, и на ихъ мѣстѣ создала совершенно новыя. Война оказалась такимъ крупнымъ факторомъ соціальнаго порядка, что то или иное отношеніе къ ней сдѣлалось принципомъ, базой, сообразно которымъ современные европейскіе соціалисты буквально всѣхъ націй и государствъ, распались на двѣ самостоятельныхъ и враждующихъ одна съ другой партіи—„пріемлющихъ войну“,

такъ называемыхъ теперь „соціалъ-патріотовъ“, и ее „непріемлющихъ“, отрицающихъ во имя Интернаціональныхъ идей. Въ средѣ каждой изъ этихъ группъ сходятся вчерашніе враги и противники, сходятся на одной и той же общей платформѣ, такъ же, какъ въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ оказываются люди, бывшіе только что единомышленниками. Эти общія замѣчанія можно пояснить слѣдующимъ яркимъ фактомъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1915 года въ Германіи появился манифестъ противъ войны съ требованіемъ мира. Манифестъ подписали три видныхъ соц.-дем.—Гаазе, Каутскій и Бернштейнъ. Бернштейнъ и Каутскій, эти непримиримые идейные враги, эти оффиціальные представители двухъ противоположныхъ направленій,—ликвидаторскаго и ортодоксальнаго, — нынѣ сошлись, какъ единомышленники! Война ихъ помирила, война разбила ихъ прежнія разногласія.

И такихъ фактовъ изъ одной германской жизни можно привести сколько угодно, при томъ самыхъ разнообразныхъ. Раньше было очень легко разбираться въ партійныхъ группировкахъ и подъ-группировкахъ германской соціалъ-демократіи. Стоило только опредѣлить кто изъ нихъ „ликвидаторъ“-ревизіонистъ и кто ортодоксально-послѣдовательный марксистъ. Ревизіонисты-ликвидаторы были той германской Назарсей, изъ которой не могло быть ничего добраго. Напротивъ, послѣдовательно-ортодоксальные марксисты, какъ волхвы, твердо и неуклонно шли за Вифлеемской звѣздой. Первые все больше и больше стремились къ созданію новой теоріи своего рода соціалистическаго имперіализма, на почвѣ все растущаго капиталистическаго развитія нѣмецкой промышленности. Вторые — послѣдовательные марксисты, являлись въ противоположность ревизіонистамъ принципіальными противниками всякаго имперіализма, въ томъ числѣ и соціалистиче-

скаго. Посмотрите-же, какъ теперь сложились партійныя группировки германской соціалдемократіи даже въ столь простомъ вопросѣ, какъ наше отношеніе къ имперіализму. Прочтите, напр., что пишетъ объ этомъ явленіи даже такой страстный сторонникъ нѣмецкой соц.-дем-тіи, какъ Г. В. Плехановъ. Въ его брошюрѣ: „Еще о войнѣ" мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее горькое признаніе:

„Стыдно сказать,—восклицаетъ Г. В. Плехановъ,—а грѣхъ утаить: многіе германскіе соц.-дем. заражены духомъ имперіализма. Вдумайтесь въ поведеніе Зюдекума или прочтите брошюры Гейниша, Ленча и Кунова. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ этотъ послѣдній. Куновъ не только образованный, а прямо ученый человѣкъ. Онъ съ успѣхомъ примѣнялъ методъ Маркса въ области этнологіи и вообще былъ послѣдовательнымъ марксистомъ. И вотъ теперь этотъ ученый и послѣдовательный марксистъ, ссылаясь на историческую необходимость, доказываетъ, что возставать противъ имперіализма могутъ только утописты; марксисты же должны использовать его въ интересахъ рабочаго класса"... [1]).

Съ Куновымъ (а еще больше съ Ленчемъ) произошла, слѣдовательно, эволюція, діаметрально противоположная той, которую пережилъ Бернштейнъ. Глава ревизіонистовъ, Бернштейнъ, подъ вліяніемъ войны пошелъ налѣво, къ Каутскому, лѣвизна котораго, впрочемъ, нынѣ весьма относительна. Куновъ же, будучи вполнѣ послѣдовательнымъ марксистомъ, вдругъ измѣнилъ этой послѣдовательности и сдѣлался сторонникомъ соціалистическаго имперіализма. А вслѣдъ за нимъ по тому же пути пошли и рабочія массы Германіи.

---

[1]) См. сб. „Война". Парижъ 1915.—Брошюра Ленча, о которой упоминаетъ Плехановъ, называется. „Die deutsche Sozialdemocratie und Weltkrieg". Eine politische Studie von Dr. Paul Lentch, Mitglied des Reichstags. Berlin. 1914.

Аналогичныя группировки мы видимъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, прежде всего во Франціи и Англіи. Во Франціи Жюль Гэдъ и Марсель Самба состоятъ теперь въ министерствѣ національной обороны, а въ Англіи, къ общему удивленію, противниками войны являются ревизіонисты-„ликвидаторы“ изъ Независимой Раб. Партіи.

Затѣмъ въ Италіи самымъ необузданнымъ проповѣдникомъ участія въ войнѣ, почти съ самаго ея начала, сталъ самый крайній изъ лѣвыхъ ортодоксовъ, вѣчно боровшійся со всякими партійными „ликвидаторами“ и, наконецъ, изгнавшій ихъ изъ партіи. Это, конечно,—Бенито Муссолини. Но зато въ Румыніи такой же ортодоксъ Раковскій сторонникъ нейтралитета.

Словомъ, партійныя дѣленія подъ вліяніемъ войны перепутались до неузнаваемости. На одной сторонѣ мы видимъ Плеханова, Гэда, Самба, Вандервельде, Гайндмана, Муссолини, Биссоляти; а на другой—Кейръ-Гарди, Макдональда, Каутскаго, Гаазе, Бернштейна. Первая изъ этихъ группъ за войну съ германскимъ милитаризмомъ вплоть до полнаго пораженія прусской реакціи. Вторая считаетъ такую тенденцію непріемлемой и стремится лишь къ немедленному заключенію мира на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. И какъ въ первой, такъ и во второй группѣ мы одинаково видимъ ревизіонистовъ и ортодоксовъ. Кромѣ этихъ двухъ группъ мы находимъ въ Германіи очень многочисленную партію соціалистическихъ имперіалистовъ, въ которой на ряду съ Шейдеманомъ и Давидомъ выступаютъ борцами Куновъ и Ленчъ, два ортодоксальныхъ марксиста. Наконецъ, еще есть группа Либкнехта, Меринга и Люксембургъ. Это крайніе ортодоксы и противники войны. Съ кѣмъ же они солидаризуются заграницей? Они принуждены привѣтствовать, какъ своихъ единомышленниковъ, все тѣхъ же ревизіонистовъ англійской Независимой Раб. Партіи,

безпощадно порицая вмѣстѣ съ тѣмъ единственнаго стараго марксиста въ Англіи,—Гайндмана, личнаго ученика Карла Маркса. Съ Гайндманомъ ту же печальную участь раздѣляетъ Гэдъ, о которомъ нынѣ говорятъ не иначе, какъ о *бывшемъ* соціалистѣ.

Нѣчто подобное мы видимъ и въ русской средѣ. Въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, въ газетѣ „День" только что появилась телеграмма газеты „Призывъ" депутату Бурьянову. „Мы читали рѣчи вашу и Манькова,—говорится въ телеграммѣ отъ лица редакціи „Призыва".—Привѣтствуемъ васъ братски. Желаемъ бодрости и успѣха въ борьбѣ за національную оборону и освобожденіе народа" [1]). Кто-же счелъ нужнымъ послать это привѣтствіе Бурьянову и Манькову? Объ этомъ ясно говорятъ подписи подъ телеграммой. Тутъ мы встрѣчаемъ имена меньшевика-партійца Плеханова; бывшаго отзовиста-большевика Алексинскаго; ортодоксальнаго народника Аргунова; починовцевъ Авксентьева и Бунакова; большевика Любимова. Такимъ образомъ подъ небольшимъ привѣтствіемъ деп. Бурьянова собрались люди всѣхъ почти оттѣнковъ русской соціалистической мысли,—и народники, и марксисты; и отзовисты, и меньшевики-партійцы; и большевики, и починовцы. Но, конечно, особенно характерно присутствіе въ этой группѣ Г. В. Плеханова.

Казалось-бы, кто какъ не Г. В. Плехановъ началъ первый преслѣдовать нашихъ „ликвидаторовъ". Даже самый терминъ „ликвидаторство" принадлежитъ, если я не ошибаюсь, Плеханову. Вражда къ ликвидаторамъ настолько охватила Плеханова за послѣдніе годы передъ войной, что на этой почвѣ онъ объединился даже съ Ленинымъ. Плехановъ въ союзѣ съ Ленинымъ! Это не менѣе парадоксально, чѣмъ нынѣшній

---

[1]) См. „День" отъ 6 марта.

союзъ народниковъ съ марксистами на почвѣ посылки телеграммы деп-амъ Манькову и Бурьянову. Мы не знаемъ, насколько будетъ проченъ этотъ союзъ, но отъ объединенія Плеханова съ Ленинымъ теперь не осталось даже воспоминанія. Все это провалилось куда-то въ глубь времени.

Въ отличіе отъ Ленина теперь Плехановъ за войну. Онъ въ этомъ отношеніи солидаризуется не съ Ленинымъ, а съ своимъ недавнимъ кровнымъ врагомъ — Потресовымъ, изъ-за статьи котораго въ сборникахъ „Общественное движеніе" загорѣлся весь сыръ-боръ ликвидаторства. Еще недавно Потресовъ, раздраженный нападками Плеханова, дѣйствительно переходившаго въ полемикѣ всякія границы, призывалъ его къ третейскому суду въ интернаціональное Бюро. Бюро тогда отказалось отъ организаціи третейскаго суда, а затѣмъ разразилась война и два противника, жаждавшіе уничтоженія одинъ другого, оказались не противниками, а единомышленниками и союзниками. Война и тутъ создала новыя группировки, разрушивъ старыя.

Параллельно этому ту-же дифференціацію новаго типа мы видимъ въ противоположномъ лагерѣ. Вотъ журналъ „Лѣтопись". Это органъ послѣдовательныхъ марксистовъ, не пріемлющихъ войну и во главѣ его, какъ идейный руководитель, стоитъ типичный народникъ-ликвидаторъ Н. Н. Сухановъ. Вотъ заграничная газета „Наше Слово", рѣзко враждующая съ Плехановымъ. Мы читаемъ въ ней статьи Мартова, Троцкаго, Войнова. Вотъ, наконецъ, самъ Ленинъ, совсѣмъ недалеко отъ котораго помѣщается,—страшно сказать!—Мартыновъ. Всюду одинъ и тотъ же процессъ. Старое рушится, и на ихъ мѣстѣ создается нѣчто новое...

При такихъ условіяхъ не удивителенъ и тотъ общій характеръ, который имѣетъ русская группа волонтеровъ. Первое, съ чѣмъ мы здѣсь встрѣчаемся, и самое типичное, это—пол-

ная безпартійность, или вѣрнѣе, всепартійность волонтерскаго отряда русскихъ эмигрантовъ.

Мало того, что въ волонтеры пошли люди разныхъ національностей, населяющихъ Россію, въ томъ числѣ очень многіе евреи [1]); здѣсь же оказались и представители разныхъ партій, только что между собою враждовавшихъ. Такъ изъ 68 волонтеровъ, о которыхъ у насъ есть детальныя свѣдѣнія,—35 марксистовъ, и 17 народниковъ. Остальные принадлежатъ къ анархистамъ (9), къ бунду (2), къ безпартійнымъ соціалистамъ (4), къ партіи польскаго пролетаріата (1). Изъ 35 марксистовъ есть одинаково, какъ большевики, такъ и меньшевики, даже меньшевики-партійцы [2]), также какъ и изъ народниковъ въ волонтерской группѣ встрѣчаются представители разныхъ оттѣнковъ въ партійныхъ группировкахъ и подъ-группировкахъ данной фракціи русскаго теченія. Война налетѣла какимъ-то шкваломъ и сразу смела, какъ карточный домикъ, всѣ эти фракціи и подъ-фракціи, группы и подъгруппы, смела ихъ, сдѣлала ненужными, никому не интересными, просто забавными, и создала на ихъ мѣсто новыя, нашедшія отраженіе и въ общемъ характерѣ русской группы волонтеровъ. Тутъ сошлись люди всѣхъ партій и одинаково взялись за оружіе при видѣ общаго врага.

Будучи безпартійной по своему составу, группа русскихъ волонтеровъ имѣетъ еще одинъ типичный признакъ,—почти вся она составилась изъ политическихъ эмигрантовъ эпохи 1905—1906 гг. У волонтеровъ максимальный срокъ эмиграціи

---

1) Точныхъ данныхъ у меня нѣтъ, но, вѣроятно, изъ 3.393 русскихъ волонтеровъ евреевъ не менѣе $1/3$, а вѣрнѣе, что значительно больше. Точныя данныя есть только о 68 вол. изъ группы 600 ч. Эти данныя типичны для всей группы. Я ими пользуюсь ниже.

2) Меньшевики-партійцы—группа Г. В. Плеханова, издававшая газету „За Партію“.

не восходитъ далѣе 1905 г., исчисляясь 9-ью годами заграничнаго проживанья. Минимальный срокъ—1 годъ. Но и этотъ эмигрантъ, пробывшій всего только годъ заграницей, передъ тѣмъ отбылъ 8 лѣтъ каторжныхъ работъ, такъ что и онъ принадлежитъ къ тому же поколѣнію эмигрантовъ, которое было создано событіями 1905—6 гг. Въ итогѣ—изъ всѣхъ аналогичныхъ данныхъ мы имѣемъ полное право сдѣлать такое общее заключеніе: тѣ, кто пережилъ въ Россіи время освободительнаго движенія 1905—1906 гг., тѣ же люди, главнымъ образомъ, пошли теперь изъ числа нашихъ эмигрантовъ въ ряды французской арміи. Случайно уцѣлѣвшіе у себя на родинѣ, они здѣсь, послѣ тюрьмы, каторги и ссылки, послѣ всѣхъ, порой нечеловѣческихъ, испытаній отдали свою жизнь на общее дѣло, какъ они его понимали. Только въ этомъ смыслѣ мы и можемъ говорить о „партійномъ" характерѣ русской группы волонтеровъ.

Рядомъ съ партійнымъ очень характеренъ возрастный составъ группы волонтеровъ. Главный контингентъ волонтеровъ даютъ люди отъ 25 до 35 лѣтъ. Есть нѣсколько человѣкъ свыше 40 лѣтъ.

По семейному положенію преобладаютъ женатые. Многіе имѣютъ по двое дѣтей. У одного семья въ 6 душъ. Люди такого возраста и такого семейнаго положенія обычно не рискуютъ по пустякамъ и не способны принимать важныя рѣшенія подъ вліяніемъ мимолетнаго настроенія.

По соціальному составу группа волонтеровъ носитъ замѣтно выраженный, хотя, конечно, далеко не исключительно рабочій составъ. До переѣзда заграницу люди, пошедшіе въ волонтеры, занимались очень часто интеллигентскими профессіями, но послѣ перехода на положеніе эмигрантовъ многіе изъ нихъ перешли на пролетарскія профессіи,—чертежниковъ,

служащихъ въ конторахъ и т. п. Этотъ переходъ еще болѣе подчеркивалъ пролетарскій характеръ группы волонтеровъ. Какъ въ самой Россіи въ 1905—1906 гг., огромную роль играли представители низшихъ слоевъ населенія, люди непосредственнаго труда, такъ и въ число волонтеровъ пошли многіе изъ нихъ же, дѣти трудовой и рабочей Россіи. Къ этой категоріи слѣдуетъ отнести и депутата I Думы Федота Онипко, драматическая судьба котораго во время его службы волонтеромъ хорошо извѣстна русскимъ читателямъ.

Я думаю, читатель ясно понимаетъ, почему я такъ подробно останавливаюсь здѣсь на характеристикѣ русской группы волонтеровъ. Хотя Россія не знаетъ совсѣмъ ревизіонистовъ въ европейскомъ смыслѣ, но именно русскіе соціалисты составили во французской арміи компактный отрядъ волонтеровъ въ 600 человѣкъ. Правда, численно этотъ отрядъ не такъ ужъ значителенъ. Что значатъ какія то 600 человѣкъ въ арміяхъ, размѣры воинской силы которыхъ опредѣляются чисто „астрономическими цифрами“,—десятками милліоновъ человѣкъ! Это, конечно, такъ. Но не забудемъ, однако, что русскій отрядъ волонтеровъ во французской арміи, если не въ количественномъ, то въ качественномъ отношеніи совершенно исключителенъ по составу. Есть волонтерскіе отряды и въ другихъ арміяхъ,—напр., итальянской. Первые-же мѣсяцы войны дали въ Италіи 200.000 волонтеровъ. Знаемъ мы также о польскихъ легіонахъ въ Австріи и украинскихъ „січевыхъ стрѣлкахъ“, въ Галиціи. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ волонтерство выросло главнымъ образомъ на чисто національной почвѣ, при томъ очень часто оно выражалось въ весьма уродливой формѣ, напр., у того-же „Союза вызволенія Украйны“. Впрочемъ, въ оффиціальномъ органѣ Союза было однажды заявлено, что волонтерское движеніе среди галичанъ далеко не дало тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ него первоначально

ожидали въ Австріи. „Не такъ склалось, якъ ждалось“,—говорилъ по этому поводу „Вѣстникъ Союза вызволенія Украины“. Такъ, однако, или иначе, но волонтерское движеніе внѣ Франціи черпало свою силу изъ обостреннаго національнаго чувства, пользуясь одновременно, какъ то было въ Австріи, щедрой поддержкой оффиціальныхъ властей. Совсѣмъ не такъ обстояло дѣло съ русскимъ или, какъ его называли, республиканскимъ, отрядомъ волонтеровъ во Франціи.

Прежде всего ни о какой поддержкѣ волонтеровъ со стороны оффиціальной Франціи не могло быть и рѣчи. Оффиціальная Франція, напротивъ, проявила большое невниманіе къ русской группѣ волонтеровъ и на этой почвѣ создалась та самая исторія, тотъ трагическій конфликтъ, о которомъ Густавъ Эрве въ своей газетѣ „La guerre Sociale“ отказался однажды говорить—„изъ чувства патріотическаго стыда“. Конфликтъ этотъ очень дорого стоилъ русскому отряду волонтеровъ.

Не имѣя поддержки со стороны оффиціальныхъ властей, русскіе волонтеры не могли, равнымъ образомъ, почерпать свои силы изъ того источника, изъ котораго почерпали ихъ волонтеры другихъ странъ,—изъ обостреннаго національнаго чувства. По существу, какъ мы можемъ это сказать съ полнымъ основаніемъ, отрядъ русскихъ волонтеровъ изъ политическихъ эмигрантовъ, пошедшій во французскую армію, чуждъ былъ собственно соображеній узко-національныхъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ собственномъ сознаніи, оставался, да и теперь остается, на почвѣ не національныхъ, а интернаціональныхъ идей и представленій. Въ этомъ его самая отличительная черта.

Можно сказать, что ни въ одной европейской арміи, кромѣ французской, нѣтъ такого волонтерскаго отряда. По этому поводу мнѣ вспоминается одинъ разсказъ Густава Эрве,

обошедшій въ свое время значительную часть русской печати. Эрве открылъ въ своей газетѣ подписку въ пользу иностраннаго легіона французской арміи, въ томъ числѣ въ пользу русскихъ волонтеровъ. Въ числѣ жертвователей къ нему пришла въ редакцію одна старая аристократка, извѣстная въ Парижѣ своими реакціонными убѣжденіями. „Я счелъ нужнымъ предупредить ее,—разсказываетъ Эрве,—что среди русскихъ волонтеровъ есть большая группа эмигрантовъ, сплошь соціалистовъ, и что за этой группой числится нѣсколько сотъ лѣтъ каторжныхъ работъ". Дѣйствительно, предупрежденіе Эрве имѣло подъ собой полное основаніе. Такъ изъ 68-ми почти всѣ волонтеры,—а именно 60 чел.,—содержались въ каторгѣ, тюрьмѣ и ссылкѣ. Въ общей сложности они отсидѣли около 200 лѣтъ и сидѣли 160 разъ, по два—три раза каждый. Двое побывали въ тюрьмѣ и ссылкѣ по 10 разъ, одинъ провелъ на каторгѣ 8 лѣтъ. Такова каторжная статистика русской группы волонтеровъ, а вѣдь она относится только къ 68-ми чел. изъ 600.—Сколько же лѣтъ отсидѣли въ тюрьмѣ и провели на каторгѣ всѣ эти шестьсотъ волонтеровъ.

Едва ли нужно доказывать, что всѣ эти факты говорятъ только объ одномъ,—о томъ глубокомъ кризисѣ, который переживаетъ теперь соціалистическій Интернаціоналъ. На большихъ цифрахъ они вскрываютъ передъ нами то же самое явленіе, которое мы характеризовали выше по частному примѣру съ поступленіемъ въ волонтеры Слетова. Когда въ общественной жизни происходитъ какой нибудь огромный переворотъ, когда рушится старое или, напротивъ, возникаетъ новое, въ старыхъ партійныхъ группировкахъ всегда происходятъ смѣны, и общая картина разомъ мѣняется. Именно такой процессъ, помимо потрясенія всѣхъ установившихся отношеній, потрясенія общественныхъ группъ подъ вліяніемъ

войны, переживаемъ мы теперь. Война не можетъ пройти безслѣдно ни для одной изъ странъ; война сама по себѣ сдѣлалась крупнѣйшимъ факторомъ соціальной жизни, занявъ собою все наше вниманіе. Сейчасъ нельзя жить, не думая о войнѣ. Нельзя гадать о будущемъ, не выработавъ взгляда на то, что можетъ принести съ собой для интересовъ международной демократіи тотъ или иной исходъ разыгравшихся грандіозныхъ событій. Эти событія пройдутъ кровавымъ рубцомъ по всему организму цивилизованнаго человѣчества, они станутъ гранью, отдѣляющей время до войны, отъ эпохи послѣ нея. Для того, чтобы признать это, не нужно ни идеализировать войну, ни рисовать ее слишкомъ мрачными красками, надо только признать фактъ, какъ онъ существуетъ. Вотъ передъ этимъ фактомъ, болѣе страшнымъ, чѣмъ всякая загадка сфинкса, и остановился въ глубокомъ раздумьи соціалистическій Интернаціоналъ. Мы находимся теперь въ заколдованномъ кровавомъ кругу, изъ котораго нѣтъ выхода, но выходъ долженъ быть найденъ,—такова задача, поставленная передъ Интернаціоналомъ текущими событіями. Очевидно, чтобы выйти изъ этого заколдованнаго круга, надо найти какія-то героическія средства. Но въ чемъ они состоятъ и какъ ихъ примѣнить въ обстановкѣ, созданной все ростущей военной бурей, въ этомъ ураганѣ событій, потрясающихъ весь міръ!..

III. Два теченія въ современномъ Интернаціоналѣ.

Надъ разрѣшеніемъ только что нами поставленныхъ вопросовъ и мучится теперь общественная мысль европейскихъ соціалистовъ разныхъ странъ и государствъ. Если мы отбросимъ въ сторону разныя частныя мнѣнія, то въ остальномъ намѣтятся два основныя теченія, каждое по своему опредѣ-

ляющія свое отношеніе къ войнѣ и будущимъ судьбамъ соціалистическаго Интернаціонала. Первое изъ этихъ теченій,— „пріемлющее войну", — такъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія:

„Ошибоченъ и вмѣстѣ несправедливъ взглядъ лицъ, старающихся затушевать вопросъ о томъ, кто является иниціаторомъ разгорѣвшейся войны, а слѣдовательно, какая изъ сторонъ несетъ наибольшую отвѣтственность за все теперь происходящее. Смѣшно считать причиной или даже поводомъ къ настоящей войнѣ убійство австрійскаго наслѣднаго принца послѣ того, какъ Сербія немедленно уступила по всѣмъ пунктамъ. Ясно до очевидности, что война эта была заранѣе задумана Германіей сообща съ Австріей, и имъ нуженъ былъ лишь какой-нибудь, хотя бы фиктивный предлогъ, потому что по разнымъ причинамъ они настоящій моментъ считали для себя наиболѣе благопріятнымъ. Подобно волку придравшемуся къ ягненку, Австрія съ Германіей ухватились, поэтому, за пустяковый поводъ".

Это пишетъ Л. Г. Дейчъ въ вышецитированномъ мною сборникѣ о войнѣ. Дейча нельзя упрекнуть ни въ какомъ ревизіонизмѣ и, однако, какъ мы видимъ, онъ прежде всего ставитъ столь странный въ другое время для ортодоксальнаго марксиста вопросъ,—к т о в и н о в а т ъ въ современномъ конфликтѣ. По мнѣнію Дейча, основнымъ виновникомъ является австро-германскій милитаризмъ и послушная ему дипломатія. Теперь можно вообще считать установленнымъ, что передъ войной именно таково было мнѣніе о главныхъ ея виновникахъ всей международной соціалистической литературы, въ томъ числѣ и нѣмецкой. „Сознающій свои классовыя задачи пролетаріатъ Германіи,—говорилось въ воззваніи центр. комитета германской соц.-дем-іи, выпущенномъ ею послѣ ультиматума Австріи Сербіи, — пламенно протестуетъ во имя человѣчности и культуры противъ преступныхъ происковъ подстрекателей

къ войнѣ. Онъ повелительно требуетъ отъ германскаго правительства, чтобы оно воспользовалось своимъ вліяніемъ на Австрію для сохраненія мира, а если невозможно будетъ предупредить постыдную войну (Shändlichen Krieg) то воздержалось бы отъ всякаго участія въ ней. Ни одна капля крови нѣмецкаго народа не должна быть принесена въ жертву властолюбивымъ вожделѣніямъ австрійскихъ правителей и имперіалистическимъ стремленіямъ къ наживѣ...“ [1]).

Если бы германская соц.-дем-ія рядомъ съ этой силой мнѣнія выдвинула бы соотвѣтствующую ей силу дѣйствія, то весьма возможно, что соціалистическій Интернаціоналъ не переживалъ бы того кризиса, равносильнаго катастрофѣ, который онъ теперь переживаетъ. Но соціалъ-демократія въ Германіи ограничилась выраженіемъ одного только словеснаго осужденія провокаціонной игрѣ Австріи съ Сербіей и, какъ только война была объявлена, приняла въ ней самое дѣятельное участіе. И словомъ и дѣломъ она стала отнынѣ одобрять агрессивный курсъ германской политики. Она сдѣлалась сознательной соучастницей всѣхъ военныхъ операцій своего правительства, вплоть до нападенія его на Бельгію. Такова была ея практика предопредѣленная еще ея поведеніемъ на Штутгартскомъ конгрессѣ 1907 года. Что касается теоріи, то объ этомъ даетъ понятіе упоминаніе Плеханова о соціалистическомъ имперіализмѣ даже такихъ писателей, какъ Куновъ...

Соціалистическій имперіализмъ такихъ писателей, какъ Куновъ или Ленчъ, не долженъ насъ въ сущности особенно уди-

[1]) Цит. по статьѣ Плеханова: „Еще о войнѣ“. См. также его брошюру о войнѣ.—На ту же тему написана статья „Нѣмецкіе соціалисты и война“ La Chesnais въ „La grande Revue; 15—III. Статья реферирована въ газетѣ „Новости“ №№ 231 и сл.—О томъ же см. еще статью Бернштейна въ „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“.—Всѣ эти авторы одинаково устанавливаютъ, кого считалъ весь соціалистическій Интернаціоналъ иниціаторомъ войны.

влять. На Бреславльскомъ партейтагѣ (начало 90 гг. прошлаго вѣка) германской соціалъ-демократіи Бебель, между прочимъ, говорилъ: каждое явленіе я оцѣниваю сообразно тому, способствуетъ-ли оно развитію капитализма или нѣтъ. Если способствуетъ—явленіе прогрессивно. Если ставитъ помѣхи—оно реакціонно. Это заявленіе очень типично для марксистовъ нѣмецкаго типа. Основой теоріи марксизма давно уже сдѣлалось ученіе о капитализмѣ, такъ ярко сформулированное въ словахъ Бебеля. Капитализмъ есть благо самъ по себѣ, — вотъ приблизительно къ чему постепенно склонялась теоретическая мысль даже такихъ послѣдовательныхъ марксистовъ, какъ Куновъ. Капитализмъ доводитъ до высшей степени развитіе производительныхъ силъ націи и онъ же создаетъ могильщика стараго строя. Капитализмъ это прообразъ молодыхъ силъ каждаго народа, это воплощенное стремленіе къ движенію и перевороту старыхъ патріархальныхъ формъ жизни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ была своя доля истины, но въ той формѣ, въ которой они исповѣдывались нѣмецкими марксистами, такая идеализація капитализма несла въ себѣ зародышъ совсѣмъ иной системы воззрѣній, далекой отъ воззрѣній первоучителей марксизма. Первоначальная идеализація капитализма у Маркса и Энгельса смягчалась многими принципіальными оговорками, а главное—она сливалась у нихъ съ увѣренностью, что эта форма общественнаго развитія вотъ-вотъ черезъ какія нибудь десять-двадцать лѣтъ уступитъ мѣсто совсѣмъ иному строю. Идеализировать при такихъ условіяхъ капитализмъ было легко. Легко было также застраховать себя отъ всякихъ рискованныхъ выводовъ. Однако, время шло, а капитализмъ и не думалъ уступать свое мѣсто инымъ формамъ общежитія. Положеніе марксистовъ, благодаря этому, значительно усложнилось. Прежней вѣры Маркса и Энгельса въ близость новыхъ временъ у нихъ уже не могло

быть; вѣра эта постепенно улетучивалась и по мѣрѣ того какъ она исчезала, тѣмъ большее значеніе получала въ ихъ глазахъ вторая часть формулы Маркса,—убѣжденіе въ безусловной прогрессивности капитализма. Капитализмъ становился въ ихъ глазахъ уже благомъ самъ по себѣ и они постепенно приходили къ выводу, что все способствующее его развитію есть прогрессъ, все мѣщающее — застой. Въ такомъ настроеніи и застала нѣмецкихъ марксистовъ современная война...

Они эту войну приняли. Что же тутъ удивительнаго? Они не могли ее не принять. Изъ за чего-же начала Германія нынѣшнюю войну, какъ не изъ за того, чтобы облегчить собственному капитализму дальнѣйшее безпрепятственное развитіе? Центромъ стратегическихъ вожделѣній нѣмецкаго юнкерства являются Багдадская желѣзная дорога, прямой путь отъ Гамбурга на Востокъ, къ Индіи, черезъ Вѣну и Константинополь. Багдадская желѣзная дорога—становой хребетъ нѣмецкаго капитализма, полнаго молодыхъ творческихъ силъ. Если германская армія пробьетъ путь на востокъ, къ Индіи, Германія сдѣлается міровымъ властелиномъ и ея капитализмъ не будетъ знать конкуррентовъ. Это будетъ несомнѣннымъ прогрессомъ націи, такъ какъ все, что способствуетъ развитію капитализма есть благо. Багдадская желѣзная дорога въ колоссальной степени поднимаетъ развитіе производительныхъ силъ нѣмецкаго народа; она обезпечитъ Германіи не только преобладаніе на Востокѣ, столь грозное для Англіи; она вмѣстѣ съ тѣмъ силой вещей, по закону экономической необходимости, поставитъ въ вассальное отношеніе къ Германіи всѣ страны, по которымъ пройдетъ этотъ желѣзный обручъ,—и Австрія, и Болгарія, и Турція, и Малая Азія, все это ляжетъ къ ногамъ Германіи. Создастся міровой экономическій трестъ изъ ряда государствъ, властелиномъ котораго будетъ нѣмецкая буржуазія. Ростъ производительныхъ силъ и благосостояніе нѣмецкаго народа

возрастутъ до размѣровъ, о которыхъ мы можемъ только мечтать. А на почвѣ завоевавшаго міровую власть капитализма разовьется и міровое рабочее движеніе. Вотъ тѣ перспективы, которыя теперь вскружили голову послѣдовательнымъ марксистамъ Германіи; вотъ тѣ выводы, къ воспріятію которыхъ они психологически были уже подготовлены своей теоріей самодовлѣющаго капитализма. Какъ же было имъ не привѣтствовать съ энтузіазмомъ вспыхнувшей войны! Какъ бы могли они не отвергнуть еще въ 1907 году резолюцій Жореса, посягавшаго на то, чтобы ставить помѣхи для развитія нѣмецкаго капитализма. Оправдалась старая формула Гегеля, столь дорогая нѣмецкимъ марксистамъ: все дѣйствительно разумно, ибо надъ всѣмъ царитъ необходимость, которой мы являемся вѣрными слугами.

Формула Гегеля несомнѣнно вѣрна: необходимость царитъ надъ всѣмъ міромъ. Однако, давно уже сказано, что въ силу той же необходимости возникаетъ и борьба съ нею самою. Такъ во имя желѣзной исторической необходимости возникала и борьба со стремленіемъ нѣмецкаго капитализма къ міровой власти. Когда война разразилась, передъ Европой встала огромная опасность, пронесся призракъ настоящаго разгрома, и соціалистамъ пришлось рѣшать, на какую сторону имъ стать въ этомъ міровомъ конфликтѣ. То направленіе въ Интернаціоналѣ, о которомъ я сейчасъ говорю, рѣшило этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ случаѣ побѣды Германіи несомнѣненъ полный разгромъ Франціи, сведеніе ея на положеніе третьестепеннаго государства, вродѣ Испаніи или Португаліи; рядомъ съ этимъ неизбѣжно уничтоженіе морского могущества Англіи, не говоря уже, конечно, о всякаго рода аннексіяхъ Бельгіи, Голландіи и т. д. Едва ли не только соціалистъ, но и просто честный демократъ станетъ отрицать, что подобный исходъ настоящей

войны повлекъ бы за собою продолжительную реакцію во всемъ цивилизованномъ мірѣ; онъ, несомнѣнно, задержалъ бы на много десятилѣтій дальнѣйшее развитіе соціалистическаго и рабочаго движенія. Наоборотъ, въ случаѣ побѣды тройственнаго соглашенія невозможно ожидать ни пораженія демократическихъ принциповъ, ни такого усиленія милитаризма, какъ при побѣдѣ союзниковъ,—Германіи и Австріи“ [1]).

Дейчъ принадлежитъ къ числу лицъ „пріемлющихъ“ войну. Защищая свою позицію, онъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ заходилъ настолько далеко, что вызвалъ рѣзкіе протесты со стороны своихъ оппонентовъ. Поэтому, быть можетъ, не удивительно, что онъ рисуетъ такими красками мрачную будущность Европы, рискующей подпасть подъ пяту нѣмецкаго капитализма. Есть-же люди, которые къ этой будущности относятся вполнѣ спокойно и сообразно этому порицаютъ „наши лѣвыя группы“ за ихъ „національно-государственное предпріятіе войны [2]).

Это замѣчаніе было бы вполнѣ справедливо, еслибы ему не противорѣчило одно очень важное обстоятельство. Дѣло въ томъ, что въ общественной средѣ, которая входитъ подъ понятіе „наши лѣвыя группы“, даже въ той части ихъ, которая отнюдь не относится къ пріемлющимъ „національно-государственную“ точку зрѣнія, далеко не такъ спокойно относятся къ будущности Европы въ случаѣ побѣды германскаго капитализма, какъ это, быть можетъ, принято думать. Особенно характерна въ этомъ отношеніи позиція, занятая газетой

---

[1]) Слова Л. Г. Дейча. См. ихъ въ его статьѣ: „Современная война и соціализмъ“, напечатанной въ только что вышедшемъ сборникѣ „Война“.

[2]) См. напр. брошюры Н. Суханова „Наши лѣвыя группы и война“ и „Къ кризису соціализма“. Брошюры прямо поражаютъ читателя примитивностью политической мысли ихъ автора.

„Мысль“ и ея главнымъ теоретикомъ Ю. Гардениньшъ. Заподозрить Ю. Гарденина въ какой-либо идеализаціи войны никакъ нельзя. Вмѣстѣ съ другимъ народническимъ теоретикомъ М. А. Бобровымъ, Гарденинъ только что принималъ близкое участіе въ работахъ Циммервальдской конференціи, а участвовать въ ней не могли люди, стоящіе на „національно-государственной точкѣ зрѣнія“. Участниками конференціи въ Циммервальдѣ были, напротивъ, „послѣдовательные интернаціоналисты“, вѣрные завѣтамъ международныхъ конгрессовъ въ Штутгартѣ и Базелѣ. Такимъ же вотъ „послѣдовательнымъ интернаціоналистомъ“ считаетъ себя и Ю. Гарденинъ.

Правда, на конференціи въ Циммервальдѣ Ю. Гарденпнъ занялъ нѣсколько особую позицію. Тамъ онъ былъ критикомъ, хотя и дружественно настроеннымъ. Онъ находилъ для себя во многихъ отношеніяхъ непріемлемымъ манифестъ, выпущенный Циммервальдской конференціей; подобно итальянскому делегату Моргари, онъ считалъ этотъ манифестъ слишкомъ упрощеннымъ по своей философіи, „симплицистическимъ“, и даже отказался голосовать за него. Подать голосъ за циммервальдскій манифестъ Ю. Гарденинъ предоставилъ своему товарищу по конференціи М. А. Боброву, подпись котораго и стоитъ подъ этимъ документомъ. Самъ-же Ю. Гарденинъ предпочелъ воздержаться отъ голосованія, что и было отмѣчено въ протоколахъ конференціи. Тамъ сказано, что манифестъ принятъ всѣми голосами при одномъ воздержавшемся, каковымъ и былъ Ю. Гарденинъ. Несмотря, однако, на это, Ю. Гарденинъ въ общемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается за позицію „послѣдовательныхъ интернаціоналистовъ“ въ современной войнѣ. Въ чемъ же заключается эта позиція?

Отвѣтъ на это читатель найдетъ ниже, гдѣ я формулирую точку зрѣнія на войну „послѣдовательныхъ интернаціоналистовъ“. Здѣсь же я пока отмѣчу только то, что при всемъ

критическомъ отношеніи со стороны Ю. Гарденина къ войнѣ и ея задачамъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ много разъ печатно высказывалъ и при томъ въ достаточно опредѣленной формѣ, несмотря на всѣ обычныя для него оговорки, что побѣда Германо-Австрійской имперіи надъ союзниками была бы несомнѣннымъ регрессомъ съ точки зрѣнія интересовъ европейской демократіи и что, напротивъ, пораженіе центральныхъ имперій съ ихъ арміями было бы меньшимъ зломъ и относительнымъ выигрышемъ для Интернаціонала[1]). Мы не знаемъ, развивалъ ли эту точку зрѣнія Ю. Гарденинъ на конференціи въ Циммервальдѣ. Мы можемъ лишь констатировать, что въ этомъ случаѣ онъ приближался не столько къ тому манифесту, за который онъ отказался голосовать, сколько хотя бы къ вышеприведеннымъ цитатамъ изъ статей Дейча.

Очертивъ въ общихъ контурахъ одну изъ позицій въ войнѣ, мы можемъ теперь перейти къ характеристикѣ взглядовъ на нее со стороны послѣдовательныхъ интернаціоналистовъ. На первый взглядъ мы встрѣчаемъ здѣсь совсѣмъ иную систему воззрѣній, отправляющуюся совсѣмъ отъ иныхъ положеній. Сторонники первой точки зрѣнія исходятъ изъ рѣшенія вопроса, кто виноватъ въ современномъ мировомъ конфликтѣ; кто виноватъ, конечно, помимо тѣхъ общихъ причинъ, которыя стоятъ внѣ нашего воздѣйствія и не несутъ никакой отвѣтственности. Напротивъ, послѣдовательные интернаціоналисты сосредоточиваютъ все вниманіе какъ разъ на этихъ общихъ причинахъ и считаютъ чуть ли не реакціоннымъ и во всякомъ случаѣ совершенно празднымъ весь вопросъ о виновникахъ мірового конфликта. Не является ли,—говорятъ они,—слиш-

[1]) См., напр., въ № 10 „Мысли" ст. „Нѣсколько тезисовъ" Ю. Гарденина.

комъ мелкимъ и отвлекающимъ насъ отъ существа дѣла вопросъ о томъ, **кто виноватъ** въ этомъ случаѣ? Въ частности такъ ли ужъ велика здѣсь вина австро-германскаго имперіализма? Развѣ дипломаты Германіи и Австріи практиковали какіе-нибудь особенные пріемы, неизвѣстные ихъ коллегамъ изъ другихъ странъ? Развѣ не **вся** современная Европа готовилась вотъ уже сколько времени къ войнѣ? Правда, сегодня ее начали нѣмцы и австрійцы. Они, конечно, виновны въ современной войнѣ, но она создана не отдѣльными лицами, какъ бы ни была велика ихъ историческая роль и ихъ общественно-политическая власть. Война создана общимъ ходомъ исторіи, ростомъ имперіалистическаго хозяйства, неимовѣрнымъ развитіемъ капиталистическаго производства, которому стали тѣсны прежнія рамки, какъ взрослому становятся тѣсными дѣтскія пеленки.

Поэтому тотъ фактъ, что война теперь начата нѣмецкими имперіалистами, не имѣетъ никакого значенія въ глазахъ истиннаго политика. Не будь она начата сегодня ими, завтра-же ее начали бы ихъ нынѣшніе противники. Война все равно была бы! Къ войнѣ вотъ уже сколько лѣтъ готовилась вся Европа. И если починъ къ ней открыли прусскіе юнкера и нѣмецкіе капиталисты, то это простая случайность. Да они и не могли бы ее не начать. Для нихъ эта война являлась неизбѣжной исторической необходимостью, избѣгнуть вліянія которой они были не властны. Имѣя внѣшній характеръ войны наступательный, настоящая война для центральныхъ имперій носитъ собственно характеръ **самозащиты**; характеръ войны оборонительный. Они, эти центральныя имперіи, въ данномъ случаѣ обороняются отъ **будущаго** нападенія на нихъ со стороны ихъ сосѣдей. Они предпринимаютъ, поэтому, нынѣшнюю „предупредительную войну“ („Preventivkrieg“), дабы не оказаться впослѣдствіи въ положеніи людей, обману-

тыхъ на своемъ легковѣріи. Такимъ образомъ по существу, слѣдовательно, виновныхъ въ настоящей войнѣ нѣтъ, ибо виновники всѣ. Виновенъ общій ходъ вещей, виновенъ нынѣшній имперіализмъ, создавшій независимо отъ насъ условія для цѣлаго ряда чисто завоевательныхъ войнъ, изъ нихъ же эта только первая.

Опредѣливъ такъ свою исходную точку зрѣнія, послѣдовательные интернаціоналисты продолжаютъ развивать ее и дальше. Будучи имперіалистской,—утверждаютъ они,—современная война по одному этому менѣе всего является войной національностей за свое освобожденіе, хотя объ ея освободительныхъ тенденціяхъ теперь такъ много говорятъ. Періодъ національныхъ войнъ вообще давно миновалъ. Національными были войны средины XIX вѣка, когда капитализмъ для своего развитія требовалъ себѣ обезпеченія національнаго рынка. Теперь же идетъ вопросъ не о завоеваніи національныхъ границъ для развитія капитализма, а объ ихъ уничтоженіи. Для нынѣшнихъ капиталистическихъ организмовъ стали тѣсными старыя рамки, они ихъ разрываютъ, какъ помѣху для себя. Они ищутъ болѣе широкой арены, стремятся къ міровому масштабу и находятъ его во власти надъ интернаціональнымъ рынкомъ. Тотъ, кто его завоюетъ, тотъ и будетъ побѣдителемъ.

Прежде, чѣмъ итти дальше въ характеристикѣ только что изложенныхъ воззрѣній, я долженъ отмѣтить одну ихъ отличительную черту, именно, ту самую безпартійность нынѣшнихъ группировокъ среди соціалистовъ, которую я столько разъ уже отмѣчалъ выше. Неудивительно, если бы противниками самой постановки вопроса о томъ, кто виноватъ въ современномъ конфликтѣ, выступили одни сторонники матеріалистическаго пониманія исторіи, всегда гордившіеся своимъ неумолимо гордымъ объективизмомъ. Удивительно другое: на

одну почву съ крайними объективистами, еще недавно не допускавшими категоріи субъективной оцѣнки въ историческомъ познаніи, стали теперь общепризнанные „субъективисты". Въ своихъ статьяхъ о войнѣ они рѣшительно отметаютъ на практикѣ ту самую субъективную точку зрѣнія, которая ими всегда такъ горячо отстаивалась въ теоріи. Они теперь пишутъ, напр., такъ:

„Есть не мало людей, стоящихъ передъ вопросомъ: кто виновникъ той трагедіи, отдѣльные акты которой разыгрываются теперь въ Вогезахъ и Карпатахъ, Польшѣ и Пруссіи, Бельгіи и Турціи, почти на всемъ протяженіи европейскаго континента. Эта буржуазно-мѣщанская точка зрѣнія на міровыя событія вполнѣ естественна и законна въ глазахъ буржуазныхъ идеологовъ современнаго общественнаго строя. Для сторонниковъ этого уклада жизни въ этомъ мірѣ, лучшемъ изъ міровъ, все обстоитъ благополучно, и если иногда, время отъ времени, онъ содрогается отъ ужаса передъ страшными общественными катастрофами, то виновенъ въ нихъ не самый общественный строй, а тотъ или иной нарушитель его. Эта буржуазно-мѣщанская точка зрѣнія вполнѣ естественна для сторонниковъ буржуазнаго уклада жизни. Но, къ большому сожалѣнію, то же отношеніе къ современной войнѣ, которое мы встрѣчаемъ у идеологовъ буржуазіи, мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ у соціалистовъ и анархистовъ настоящаго времени [1]).

Почему это есть буржуазно-мѣщанская точка зрѣнія; почему искать виновниковъ современной трагедіи значитъ отрѣшиться отъ борьбы съ современнымъ строемъ,—этого намъ не объясняютъ. Казалось бы, напротивъ, буржуазно-мѣщан-

[1]) Цитата изъ русской газеты „Воля", издающейся въ Америкѣ.— Ср. полный сочувствія отзывъ объ этихъ словахъ въ статьѣ Б. Камкова, въ № 55 газеты „Жизнь".

ская точка зрѣнія какъ разъ въ томъ и заключается, чтобы не искать никакихъ виновниковъ, а просто заявить: „всѣ, дескать, драчуны, праваго и виноватаго не найдешь“, какъ пишетъ объ этомъ П. Масловъ въ своей книгѣ: „Война и демократія“ (стр. 40). И если для англо-французской буржуазіи очень пріятно услышать, что виновна не она, а нѣмецкіе рыцари капиталистическаго накопленія, то, вѣдь, и для нѣмецкихъ рыцарей капиталистическаго накопленія не менѣе пріятно узнать, какъ просвѣщенные люди доказываютъ, что въ сущности виновныхъ нѣтъ, нечего стало быть и имъ безпокоиться о своихъ грѣхахъ въ дѣлѣ возбужденія этой войны.

Такъ, однако, или иначе, но для послѣдовательныхъ интернаціоналистовъ очень характерна только что отмѣченная черта. Всѣ они согласны въ томъ, что виновныхъ въ войнѣ нѣтъ и розыскиваніемъ ихъ могутъ заниматься только люди, стоящіе на буржуазно-мѣщанской точкѣ зрѣнія. Ту же солидарность во взглядахъ на современную войну и на наши задачи по отношенію къ ней мы встрѣчаемъ у представителей данной группы въ дальнѣйшемъ. Вся эта группа даже въ своей чисто народнической фракціи [1]), и въ ея средѣ даже больше, чѣмъ у марксистовъ, подчеркиваетъ чисто классовый характеръ своей позиціи. Для нея, какъ въ свое время для Густава Эрве, къ буквальному повторенію взглядовъ котораго пришли послѣдовательные интернаціоналисты,—безразличны сами по себѣ государства, принимающія участіе въ войнѣ. „У рабочихъ нѣтъ отечества“,—провозгласилъ еще Марксъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“. Стало быть, не дѣло ра-

---

[1]) Особенно характерна въ этомъ отношеніи брошюра Н. Суханова: „Къ кризису соціализма“, въ которой онъ усиленно просвѣщаетъ Плеханова классовой точкѣ зрѣнія. Бѣдный Плехановъ, до чего онъ дожилъ.

бочихъ бороться за то или другое изъ нынѣшнихъ „отечествъ". У рабочихъ есть свои собственныя соціально-экономическія классовыя задачи, рабочій классъ въ каждомъ изъ „отечествъ" составляетъ отдѣльную тѣсно сплоченную группу, интересы которой кореннымъ образомъ отличны отъ интересовъ буржуазнаго слоя націи. Настоящее отечество для пролетаріата—весь міръ труда, и вотъ за него и только за него рабочій и можетъ бороться. Ту же чисто классовую задачу, не имѣющую ничего общаго съ современной защитой отечества, долженъ преслѣдовать пролетаріатъ въ нынѣшней войнѣ. Нынѣшняя война есть война имперіалистическая, а что общаго у соціалистовъ съ имперіализмомъ. Какъ же можетъ пролетаріатъ участвовать въ ней? Превратить нынѣшнюю войну въ ея полную противоположность, въ войну гражданскую,—вотъ что единственно должно быть лозунгомъ рабочаго класса, вотъ куда должны быть направлены всѣ его упованія [1]).

Замѣчательно, однако, что въ такой наиболѣе радикальной и обнаженной формѣ данный лозунгъ почти никѣмъ не поддерживается въ современномъ соціалистическомъ Интернаціоналѣ. Слишкомъ ужъ онъ далекъ отъ современной дѣйствительности. Среди многихъ понятій, опрокинутыхъ войной, есть одно, о крушеніи котораго, навѣрное, рѣдко кто пожалѣетъ. Это—слишкомъ легкое обращеніе съ своими словами и лозунгами, такъ упорно практиковавшееся международнымъ соціалистическимъ движеніемъ. Цѣлыми годами, десятками лѣтъ люди употребляли громкія революціонныя фразы, не

---

[1]) См. объ этомъ въ статьяхъ Н. Ленина.

Наиболѣе рѣзко это обнаружилось на Креммервальдской Конференціи. Тамъ не только не было рѣчи о превращеніи имперіалистской войны въ ея противоположность, но даже былъ снятъ съ голосованія вопросъ о кредитахъ.

предполагая въ сущности брать на себя сколько нибудь серьезной отвѣтственности за нихъ. Говорили охотно о томъ, что Интернаціоналъ является надежной опорой мира, но никогда не задумывались надъ вопросомъ, какими средствами располагаетъ современный рабочій классъ для огражденія въ нужный моментъ интересовъ мирнаго развитія. Такъ и шло цѣлыя полстолѣтія,—слова, лозунги, рѣчи на конгрессахъ были всегда проникнуты повышеннымъ настроеніемъ, практика же оставалась жалкой и всѣми заброшенной. Для того, чтобы отрѣшиться отъ этой закоренѣлой привычки; для того, чтобы отрезвиться отъ въѣвшагося въ кровь и душу „чарованья красныхъ вымысловъ", понадобилась такая грандіозная нравственная встряска, какъ та, которую только что пережилъ весь соціалистическій Интернаціоналъ. Но неужели онъ ее пережилъ для того только, чтобы снова вернуться къ прежней тактикѣ? Неужели даже теперь мы опять услышимъ призывы устроить нѣчто грозное, не соображаясь съ тѣмъ, есть ли у насъ силы на подобныя дѣла?

Легко, конечно, сказать, что современная война есть не болѣе, какъ война имперіалистическая, что эпоха имперіалистскихъ войнъ, въ которую мы теперь вступаемъ, грозитъ намъ неисчислимыми бѣдствіями, что мы должны прекратить ихъ губительныя послѣдствія, и пр. Все это прекрасно! Но чѣмъ предотвратить? Неужели такъ таки превращеніемъ современной войны въ ея противоположность, войну гражданскую, то есть, иначе говоря, почти что немедленной ликвидаціей современнаго общественнаго строя. Немедленная ликвидація нынѣшняго строя дѣйствительно повела бы къ полному прекращенію современной войны и расчистила бы путь для безпрепятственнаго развитія на будущее время. Это безспорно, До такой степени безспорно, что даже безсодержательно. Но тутъ намъ невольно хочется спросить старыми словами Чернышевскаго: „Гдѣ

силы на это дѣло“? Если же силъ нѣтъ,—а что ихъ нѣтъ это ясно и ребенку, ибо силъ не хватило даже на то, чтобы на той же конференціи въ Циммервальдѣ поставить всего на всего вопросъ о кредитахъ, а не то чтобы о ликвидаціи современнаго строя,—если силъ нѣтъ, то зачѣмъ же становиться на старый путь политическаго самообмана, зачѣмъ строить воздушные замки и произносить, пусть очень красивыя, но практически ни къ чему не обязывающія слова? Неужели для того только, чтобы снова оказаться передъ разбитымъ исторіей корытомъ.

Прекрасно сознавая, что для такой грандіозной задачи сейчасъ нѣтъ силъ, тогда какъ отъ насъ требуется именно хотя какое нибудь, но практическое проявленіе силы общественнаго мнѣнія, а главное дѣйствія, остальная часть современныхъ соціалистовъ, не желающихъ совершать „пріятія войны“, удовлетворяется гораздо меньшимъ. . . . .

. . . .

IV. Отношеніе къ войнѣ Русскаго волонтера-народника.

Такимъ образомъ, казалось бы, найденъ выходъ изъ современнаго тупика и названъ лозунгъ, который можетъ служить руководящей звѣздой для сбившагося съ своего пути соціалистическаго Интернаціонала. Теперь уже никого нельзя будетъ обмануть ни освободительными миражами современной войны, ни отвлеченіемъ общественнаго вниманія въ сторону отъ настоящаго пути разсужденіями на тему, кто виноватъ.—Никто не виноватъ, ибо виновныхъ нѣтъ! Нѣтъ ви-

новныхъ, нѣтъ и правыхъ. Современная война есть вся цѣликомъ порожденіе имущихъ классовъ и пролетаріату до нея нѣтъ никакого дѣла. Не все ли равно, кто насъ эксплуатируетъ,—англійская или нѣмецкая буржуазія? Не все ли равно, кто пользуется нашей прибавочной стоимостью, французскій ростовщикъ или отечественный Держиморда въ союзѣ съ Деруновымъ? Правда, говорятъ еще о Бельгіи. Но что такое Бельгія? На что ужъ патріотически настроенъ поэтъ Сологубъ, а и тотъ нашелся сказать о бельгійцѣ только одно:

Я мирный гражданинъ страны родной,
Торгую въ Конго я слоновой костью.

Вотъ именно: „торгую въ Конго я слоновой костью"! Давно-ли Леопольда Бельгійскаго звали Императоромъ Конго? Чего же ради въ такомъ случаѣ весь этотъ шумъ изъ-за Бельгіи съ ея торгами въ Конго слоновой костью?

Я ничего не прибавляю къ этимъ разсужденіямъ. Я только воспроизвожу то, что десятки разъ писалось послѣдовательными интернаціоналистами о „героической" Бельгіи. Даже эти кавычки при словѣ „героическая" принадлежатъ не мнѣ.

Линія поведенія такимъ образомъ найдена. Дѣйствительно найдена, но какой цѣной! Пересмотрите всю цѣпь приведенныхъ разсужденій и посмотрите найдете ли вы въ ней что либо, кромѣ принципіальнаго отказа соціалистовъ отъ ихъ прежней точки зрѣнія на характеръ историческихъ тенденцій той или другой формы современнаго капитализма. До сихъ поръ никогда ни одинъ соціалистъ, а тѣмъ болѣе ни одинъ марксистъ, не говорилъ, да и не могъ органически сказать, что для пролетаріата безразлично, какой національности та буржуазія, которая его эксплуатируетъ. До сихъ поръ всѣми соціалистами проводилось очень строгое различіе между общественными тенденціями разныхъ національно-промышленныхъ организмовъ. До сихъ поръ считалось установленнымъ, что

напр., экономическіе интересы франко-англійской буржуазіи заставляютъ ее дорожить сохраненіемъ международнаго мира, также какъ жизненные, глубокіе интересы австро-нѣмецкой промышленности толкаютъ ее на завоеваніе новыхъ рынковъ и къ стремленію къ міровой власти. Почему же теперь вдругъ оказались забытыми всѣ эти давно установленныя истины? Почему теперь совершенно неожиданно оказалось, что для насъ безразлично, какая буржуазія будетъ главенствовать надъ нами? И почему такая точка зрѣнія считается марксистской и соціалистической, тогда какъ она на самомъ дѣлѣ чисто анархистская?

Объявить, что для насъ безразличны всѣ формы буржуазнаго гнета, могли бы не соціалисты, а анархисты. Когда-то, и не такъ еще давно, всего два-три года назадъ, соціалисты проводили принципіальную разницу между разными формами политической власти, существующими въ Европѣ. Англійскій политическій строй не разъ противопоставлялся въ этихъ случаяхъ нѣмецкому или какому нибудь азіатскому; про французскую республику говорили не такъ, какъ про австро-нѣмецкую конституцію. Это было основное положеніе соціалистической политики, въ корнѣ отрицавшееся анархистами. Анархистская точка зрѣнія въ противоположность соціалистической признавала, наоборотъ, что формы политической власти сами по себѣ для насъ безразличны, ибо каковы бы онѣ ни были, главенствуетъ все равно одна и та же буржуазія. И вотъ теперь на эту же самую почву встали, сами того не подозрѣвая, послѣдовательные интернаціоналисты. Бросаясь изъ стороны въ сторону, чтобы выработать с в о ю, независимую отъ той или иной воюющей стороны позицію, нынѣшній Интернаціоналъ перешелъ фактически на почву не своей, а ч у ж о й т е о р і и, до сихъ поръ имъ порицавшейся. Въ поискахъ выхода онъ еще болѣе запутался въ безвыходномъ положеніи.

Такъ обстоитъ дѣло съ теоріей. Но то же самое съ практическимъ требованіемъ, въ видѣ немедленнаго установленія мира. Миръ! Кто его не желаетъ? У кого не обливается сердце кровью, кому не становится страшно за человѣчество, при видѣ жертвъ, которыхъ стоитъ война. Что можетъ быть естественнѣе при нынѣшнихъ условіяхъ пропаганды мира? Есть-ли на свѣтѣ люди, способные продолжать войну ради простой прихоти? Развѣ тотъ-же Вильгельмъ II, хотя нашъ Дорошевичъ и назвалъ его „Кровавымъ Шутомъ", не заключилъ бы немедленно мира, если бы представилась къ тому малѣйшая возможность? . . . .

. . . .

. . . .

Какъ ни убѣдительны всѣ эти доводы, однако, мы не удивляемся, что на вышеупомянутое предложеніе Парабеллума выйти изъ состава національной обороны и начать агитацію за миръ съ Германіей, тотъ же Гэдъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Мы этому не удивляемся, такъ какъ самый лозунгъ мира совершенно иначе понимается нѣмцами и французами. Для германскихъ соціалистовъ также естественно требовать мира, какъ для французскихъ желать продолженія войны. Германія всюду ведетъ войну на завоеванной территоріи, поэтому,—такъ пишутъ въ своихъ манифестахъ лѣвые нѣмецкіе соціалисты,—она должна первая заговорить о мирѣ. Это безусловно вѣрно, но только съ германской точки зрѣнія. Что же касается французской, то разъ Германія стоитъ, между прочимъ, на почвѣ Франціи, то поэтому для французскихъ соціалистовъ немыслимо думать о мирѣ. Миръ прекрасная вещь, но, взятый лозунгомъ, онъ насъ заводитъ въ безвыходныя противорѣчія...

„Являясь сторонниками мира надо спросить еще себя,—какого?— Такъ говорилъ одинъ современный писатель въ бе-

сѣдѣ съ русскимъ журналистомъ, опубликовавшимъ затѣмъ его слова.—Германія, успѣвшая захватить территоріи своихъ противниковъ, конечно, была бы рада миру, упрочившему ея захваты. Можно ли купить миръ цѣпой политической гибели Бельгіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ перечисленныхъ выше соціалистовъ для меня неясенъ. А мой отвѣтъ недвусмысленъ: лучше продолженіе войны, чѣмъ признаніе торжества грубой силы надъ противникомъ. Исторія съ захватомъ Бельгіи такъ всемірно велика, такъ монументальна, такъ взволновала душу человѣческую, что показать здѣсь слабость отступить отъ защиты ея правъ намъ, носителямъ интернаціональной совѣсти, было бы чудовищно. Мечъ можетъ рубить права, но идеально они остаются во всей силѣ и умѣютъ тяжко отомстить въ свое время, если только носители права не уступаютъ сами добровольно и трусливо. Пусть исторія не скажетъ, пусть въ сердцахъ массъ не прозвучитъ эхомъ, что лица и группы, претендующія на званіе блюстителей справедливости, оказались не только недостаточно сильными физически,—въ этомъ не вина ихъ, а бѣда,—но и недостаточно сильными морально, чтобы не промѣнять право ни па какое благо, будь то даже миръ" [1]).

Кому принадлежатъ эти слова? Какому-нибудь страстному поборнику воинствующаго націонализма, „штыкъ - соціалисту" новѣйшаго образца? Нѣтъ, они принадлежатъ Ромэнъ Ролану,— а его недаромъ называютъ „носителемъ интернаціональной совѣсти". Ромэнъ Роланъ пользуется сейчасъ въ Европѣ чрезвычайно почетной извѣстностью именно, какъ человѣкъ, чуждый какимъ бы то ни было проявленіямъ воинствующаго и всякаго иного націонализма. Необыкновенно чуткій и талантливый художникъ, Ромэнъ Роланъ сдѣлался въ послѣднее

[1]) См. А. В. Луначарскаго о Ромэнъ Роланѣ въ №№ 72 и 73 „Кіевской Мысли" за 1915 г.

время живымъ воплощеніемъ идей международной солидарности, и вотъ онъ, этотъ безпристрастный судья, категорически отказывается отъ политики мира. Достаточно одного этого примѣра, чтобы понять, до какой степени безплотнымъ является въ данныхъ условіяхъ такой, казалось бы, безспорный лозунгъ, какъ—миръ. Оставимъ же и на этотъ разъ въѣвшуюся въ насъ привычку къ самообману, посмотримъ просто и здраво въ глаза дѣйствительности, отдадимъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что происходитъ, и тогда мы волей-неволей должны будемъ признать, что лозунгъ мира не можетъ быть лозунгомъ современнаго Интернаціонала. Не о мирѣ намъ приходится думать въ данный моментъ. И пусть намъ не говорятъ, что, отказываясь отъ лозунга мира, мы тѣмъ самымъ становимся на сторону одной изъ борющихся сторонъ, а значитъ, отказываемся отъ своей собственной политики по отношенію къ войнѣ. Это не вѣрно. Можно быть на той или на другой изъ сражающихся нынѣ сторонъ и тѣмъ не менѣе проводить тамъ именно свою, а не чужую политику. Такъ въ сущности и дѣлаютъ всѣ современные соціалисты, включая сюда противниковъ войны. До сихъ поръ мы не видѣли еще такого противника войны изъ современныхъ соціалистовъ, который бы въ той или иной формѣ не пріурочилъ своихъ симпатій къ побѣдѣ какой-нибудь одной изъ сторонъ, вступившихъ въ единоборство. Независимая Раб. Партія въ Англіи противъ войны, но вовсе не противъ побѣды англійской арміи и ея союзниковъ. Ея вождь Макдональдъ на конгрессѣ въ Норвичѣ, а затѣмъ въ Бристолѣ публично заявилъ, что, если бы Англія такъ же, какъ Франція, подверглась занятію непріятелемъ ея территоріи, то онъ поступилъ бы такъ же, какъ поступаетъ сейчасъ Жюль Гэдъ.

Съ другой стороны развѣ мы не слышали, какъ въ русской Госуд. Думѣ деп. Чхенкели, котораго никто не заподозритъ въ отсутствіи симпатій къ интернаціонализму, недавно заявилъ въ своей бюджетной рѣчи:

„Если бы у меня была малѣйшая увѣренность въ томъ, что власть можетъ защитить страну отъ разгрома, будьте увѣрены, моя тактика была бы совершенно иной: я не мѣшалъ бы ей“ [1]).

Итакъ той власти, которая бы защитила страну отъ разгрома, то есть повела бы ее къ побѣдѣ, этой власти деп. Чхенкели не сталъ бы мѣшать. Стало быть деп. Чхенкели, также какъ и Макдональдъ, если и противъ войны, то вовсе не противъ побѣды определенпой изъ сторонъ.

Я бы могъ привести и еще рядъ подобныхъ примѣровъ. Я не стану этого дѣлать, ибо и такъ ясно, что никто изъ насъ не въ силахъ укрыться отъ происходящихъ нынѣ въ Европѣ огромныхъ событій; всѣмъ намъ приходится опредѣлять, на чью мы сторону становимся, какой исходъ войны мы считаемъ наиболѣе благопріятнымъ въ интересахъ международной демократіи. Иного пути нѣтъ и быть не можетъ. Отмахиваться отъ такого положенія дѣлъ какой нибудь привычпой сакраментальной формулой, — безполезно. Вотъ эту невозможность для современнаго соціалиста изолироваться отъ жизни прекрасно передаютъ тѣ, написанныя на фронтѣ и въ траншеяхъ, письма и статьи покойнаго Ст. Н. Слетова, о которыхъ я упоминалъ выше. Когда война была объявлена, Слетовъ находился въ Парижѣ. Для Франціи это былъ трагическій моментъ. На Парижъ двигалась громада германскихъ войскъ, только что раздавившихъ Бельгію. Казалось, вотъ-вотъ она разольется по всей Франціи, смететъ Парижъ, этотъ вѣчный городъ революцій, въ которомъ такъ много русскихъ изгнанниковъ находили радушный пріютъ,

[1]) Цит. по отчету въ „Рѣчи“ № 6 отъ 5 марта 1916 г.

растопчетъ всю французскую культуру сапогами прусскихъ солдатъ. Рисовались въ воображенiи потрясающiя картины и становилось невозможнымъ положенiе празднаго зрителя, когда весь народъ, вся Францiя находилась въ опасности. Надо было рѣшать немедленно, что дѣлать.

„Война, взбудоражившая мiръ, всколыхнувшая нацiи и классы, поставила и передъ отдѣльной личностью рядъ вопросовъ, не давая отсрочекъ, не допуская отговорокъ. Дай отвѣтъ, и не только дай, но и сдѣлай изъ твоего отвѣта дѣйственный выводъ. Дѣло идетъ не о далекомъ будущемъ, не о теоретическомъ предвидѣнiи, не объ изъ ряда вонъ выходящемъ подвигѣ,—а о поступкахъ и дѣйствiяхъ, обязательныхъ для каждаго человѣка, для каждаго гражданина, находящагося въ водоворотѣ событiй". — „Вихрь разрушенiя, пронесшiйся надъ мiромъ, какъ будто снесъ злобы дня, отодвинулъ вдаль рядъ частныхъ споровъ и заставилъ всѣхъ и каждаго рѣшить для себя заново и безотлагательно вѣчный вопросъ: какъ быть и что дѣлать теперь предъ лицомъ грозныхъ событiй. И каждому изъ насъ пришлось рѣшать по своему. На свой страхъ и рискъ. Соборная мысль направленiя дремала, либо растекалась въ безплодныхъ умозрѣнiяхъ. Но надо было дѣйствовать, и и мы рѣшали каждый по своему".

Со временемъ, однако, обнаружилось, что то рѣшенiе, которое люди, въ родѣ Слетова, приняли на свой страхъ и рискъ, получило извѣстную санкцiю и со стороны „соборной мысли". Особенно любопытно въ этомъ отношенiи условное оправданiе для волонтерства, данное упоминавшейся выше газетой „Мысль". Какъ я говорилъ, во главѣ этой газеты, являющейся органомъ народниковъ, послѣдовательныхъ интернацiоналистовъ, стоитъ извѣстный публицистъ Ю. Гарденинъ. Казалось бы, со стороны литературнаго органа послѣдовательныхъ интернацiоналистовъ волонтерское движенiе должно было бы встрѣтить самый су-

ровый отпоръ. Волонтеры—это люди, „пріявшіе“ войну, а вступить на путь пріятія войны значитъ измѣнить старымъ интернаціональнымъ традиціямъ, какъ это утверждаютъ послѣдовательные интернаціоналисты. И, однако, въ газетѣ „Мысль“, особенно въ статьяхъ, какъ самого Гарденина, такъ и другого постояннаго сотрудника Н. Максимова, волонтерское движеніе далеко не встрѣтило того отрицательнаго отношенія, котораго можно было бы тутъ ожидать. Больше того: оно нашло здѣсь даже довольно опредѣленное полу-признаніе, если не полную апологію.—Что должны были предпринять соціалисты въ такихъ странахъ, подвергшихся грубому нападенію извнѣ, какъ Бельгія или Франція, или Сербія? — спрашивали въ своихъ статьяхъ о волонтерствѣ указанные сотрудники „Мысли“. Должны-ли были соціалисты въ этомъ случаѣ умыть руки и отойти въ сторону или обязаны были принять активное участіе въ оборонѣ страны? На этотъ вопросъ, какъ Гарденинъ, такъ и Максимовъ дали отвѣтъ такого рода: обязанностью соціалистовъ въ этихъ случаяхъ отнюдь не является толстовское непротивленіе злу насиліемъ. Оба эти публициста соглашались, что соціалисты въ подобныхъ случаяхъ не могли не принять участіе въ оборонѣ страны въ той или иной формѣ, въ томъ числѣ даже въ видѣ вступленія въ волонтеры. Волонтерство такимъ образомъ сотрудниками народнической „Мысли“ признавалось принципіально допустимымъ, но, правда, съ одной оговоркой. Какъ Гарденинъ, такъ и Максимовъ не находили возможнымъ дѣлать вступленіе въ волонтеры партійнымъ лозунгомъ, а то или иное рѣшеніе этого вопроса возлагали на личную отвѣтственность каждаго соціалиста.

Несомнѣнно, такое отношеніе къ волонтерскому теченію было очень компромиснымъ. На практикѣ тутъ дѣлались волонтерству большія уступки, на словахъ-же сохранялась пол-

ная приверженность принципамъ послѣдовательнаго интернаціонализма, запрещающимъ вступленіе въ ряды сражающихся армій. Но и самыя эти практическія уступки были очень характерны. Онѣ показывали до какой степени глубоко охватывало извѣстное настроеніе широкіе эмигрантскіе круги и насколько серьезнымъ былъ общій кризисъ Интернаціонала.

Къ тому же выводу мы придемъ если разсмотримъ настроеніе самихъ волонтеровъ. Настроеніе это можно сформулировать въ такихъ словахъ: если для послѣдовательныхъ интернаціоналистовъ война оказалась непріемлемой, потому что она была чужимъ для нихъ дѣломъ, дѣломъ имущихъ классовъ, то волонтеры, пошедшіе во французскую армію, на ту-же войну взглянули, иначе, какъ на нѣчто близкое народнымъ интересамъ, даже какъ на дѣло народа. — „Для тѣхъ, кто видѣлъ пробужденіе народа, пишетъ Слетовъ,—чувствовалъ себя съ народомъ, оказалось невозможнымъ отойти въ сторону, выдѣлить себя изъ народа, зачураться въ заколдованномъ кругу. Мы почувствовали сердцемъ и признали умомъ, что несмотря на всѣ противорѣчія и смѣшенія, настоящая война является дѣломъ народнымъ“ [1]).

Настоящая война является дѣломъ народнымъ,—эти слова не могутъ не вызвать съ нашей стороны нѣкоторыхъ возраженій. Если бы нынѣшняя война была дѣломъ народнымъ, тогда не было бы никакого кризиса Интернаціонала. Людямъ, стоящимъ на точкѣ зрѣнія Интернаціонала, тогда было бы не трудно опредѣлить свою позицію и, опредѣливъ ее, они спокойно могли бы итти до конца по разъ выбранной дорогѣ. Однако, расходясь тутъ со Слетовымъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не

---

[1]) См. статьи С. Н. Слетова (Нечетнаго) „Война и народничество“ и „Наши пути.—„Новости“ №№ 229—230. „За рубежомъ“ №№ 1, 2, 3.— Тамъ же письма С. Нечетнаго къ друзьямъ съ фронта.

можемъ согласиться, что все значеніе нынѣшней войны исчерпывается формулой имперіализма. Чисто имперіалистскія войны это тѣ, въ которыхъ отсутствуетъ элементъ національной борьбы, которыя ведутся за нѣкоторыя сверхъ-національныя цѣнности въ міровомъ масштабѣ. Несомнѣнно, такой міровой масштабъ присущъ и нынѣшней войнѣ. Онъ даже составляетъ ея отличительнѣйшую черту. Но, тѣмъ не менѣе, на ряду съ этимъ разыгравшіяся событія вызвали къ жизни массу неудовлетворенныхъ національныхъ интересовъ, поставили на очередь цѣлый рядъ проблеммъ о забытыхъ Богомъ и людьми народностяхъ. Теперь эти народности, желаютъ ли того или не желаютъ инициаторы войны, рвутся къ свѣту, требуютъ своего права на жизнь и на свободное развитіе своихъ духовныхъ силъ, и на вѣчно колеблющуюся чашку вѣсовъ міровой борьбы бросаютъ свои національныя чаянія и надежды. Забыть объ этомъ могутъ современные имперіалисты, но никакъ не соціалисты.

Тотъ-же національный элементъ сказывается въ современной войнѣ и еще въ одномъ отношеніи, при томъ крайне важномъ. Пусть въ самомъ дѣлѣ современная война является по существу имперіалистской. Пусть она въ корнѣ разрушаетъ всѣ національныя рамки, опрокидываетъ самое понятіе „отечества", какъ давно отжившее, ибо въ „Манифестѣ" Карла Маркса въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, сказано: „пролетаріи не имѣютъ отечества", а что сверхъ того, то отъ лукаваго. Имперіализмъ дѣйствительно разбиваетъ національныя рамки, хотя и очень одностороннимъ путемъ, но средствомъ для борьбы онъ нынѣ взялъ не что иное, какъ это самое уже отжившее національное чувство рабочаго класса, найдя въ немъ для себя вѣрнаго и мощнаго союзника. Вотъ объ это противорѣчіе и разбился современный соціалистическій Интернаціоналъ. Онъ не сумѣлъ предугадать сложность и про-

тиворѣчивость разныхъ элементовъ пролетарской психологіи, а не предугадавъ ихъ, не смогъ нейтрализовать эти элементы одни другими. Съ особенной яркостью этотъ процессъ проявился въ той самой Германіи, откуда, по общему признанію всего нынѣшняго интернаціонала, долженъ былъ бы явиться первый призывъ къ борьбѣ съ господствующимъ воинственнымъ имперіализмомъ. Та общественная форма, которая въ лицѣ германскаго капитализма, заключившаго священный союзъ съ прусскимъ юнкерствомъ, стремилась поработить весь міръ, оказалась настолько мощной, что въ нужный моментъ смогло духовно поработить и свой собственный народъ. Чѣмъ она этого достигла мы тоже знаемъ. Она возбудила въ народѣ старые дремавшіе инстинкты, которыми соціалисты привыкли такъ пренебрегать. Она подавила его сознаніе призракомъ внѣшняго врага, а подавивъ его сознаніе такимъ путемъ, поставила весь германскій народъ со всѣми его руководителями, подъ вліяніе страшнаго военнаго угара, результатомъ котораго явилась въ Германіи настоящая патріотическая эпидемія, всеобщая психическая зараза, и ей, пока что, не видно конца, хотя „признаки отрезвленія“ германскаго народа становятся все чаще и чаще. Возможно, конечно, что въ концѣ концовъ уроки жизни возьмутъ свое, и германскій рабочій классъ сознаетъ, въ чемъ именно состоитъ его классовая задача. Въ одномъ изъ воззваній лѣвыхъ германскихъ соц.-демократовъ говорится, что главный врагъ нѣмецкаго народа не внѣ, а внутри Германіи, и этотъ врагъ — нѣмецкій имперіализмъ. Понадобилось десять мѣсяцевъ войны, чтобы германскіе соц.-демократы, притомъ пока только лѣвые, — во всеуслышаніе произнесли такую очевидную истину. Пройдетъ еще десять мѣсяцевъ, и тогда они, можетъ быть, сдѣлаютъ еще шагъ впередъ, организовавши не только силу общественнаго мнѣнія, но и силу общественнаго дѣйствія противъ указаннаго

ними зла германской жизни. Если это случится, и если эта организованная сила общественнаго дѣйствія возьметъ въ свои руки проведеніе въ жизнь практической программы мира, выработать общепріемлемыя для международной демократіи нормы котораго не такъ ужъ трудно, тогда положеніе дѣлъ станетъ сразу инымъ, чѣмъ нынѣ. Тогда германская соц.-демократія откроетъ дѣйствительный путь къ возстановленію Интернаціонала и на будущемъ международномъ конгрессѣ ей, можетъ быть, ужъ не скажутъ: Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?

Но, вѣдь, до сихъ поръ этого не было. До сихъ поръ, несмотря на „меньшинство" и на распадъ, германская соц-демтія въ остальной своей части рѣшительно поддерживаетъ правящіе круги. Да и „меньшинство" не пошло пока дальше сравнительно очень слабой парламентской оппозиціи и не выставило иныхъ лозунговъ, кромѣ лозунга мира. Правда, оно желаетъ мира безъ аннексій, безъ контрибуцій, безъ экономическаго подавленія разгромленныхъ государствъ. Не ясно, однако, какими средствами оно думаетъ достигнуть этихъ цѣлей. И даже принципіальные сторонники германскаго „меньшинства" принуждены признать, что оно не имѣетъ серьезной и реальной силы въ настоящемъ, что это словомъ—„музыка будущаго" [1]). Что же дѣлать при такихъ условіяхъ остальной Европѣ, въ частности Россіи? Мы полагаемъ, что задачей остальной Европы можетъ быть только одно—итти по пути самообороны до тѣхъ поръ, пока въ самой Германіи не произойдетъ рѣшительныхъ перемѣнъ. Мы знаемъ, конечно, что не для всѣхъ государствъ, входящихъ въ коалицію противъ Германо-Австрійской Имперіи, путь этотъ одинаково свободенъ

---

[1]) См. объ этомъ ст. В. Майскаго о германской соціалъ-демократіи въ № 3 журн. „Русскія Записки" за 1915 годъ. Со времени появленія въ свѣтъ этой статьи прошелъ цѣлый годъ войны, но положеніе существенно не измѣнилось.

и открыть. Мы знаемъ прекрасно, какія препятствія встрѣчаетъ тутъ въ частности русскій народъ. Народная самооборона у насъ слишкомъ часто превращается въ самооборону отъ народа. Это осложняетъ наши задачи, но не должно измѣнить нашего рѣшенія бороться до полнаго напряженія силъ. Довлѣетъ дневи злоба его! Минуетъ этотъ день и передъ нами встанутъ новыя задачи, которыя потребуютъ новаго напряженія силъ. Даже настоящее, даже текущій моментъ чреватъ зародышами будущаго, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ безсильно опускать руки? И намъ кажется, что въ глубинахъ русскаго народа живетъ уже, пусть даже пока смутно, полусознательно, эта мысль о громадныхъ трудахъ грядущаго дня. Намъ кажется, что на этой почвѣ въ немъ зарождается новое національное движеніе, размѣры котораго, можетъ быть, превзойдутъ всѣ наши ожиданія.

Вотъ этотъ голосъ новой жизни, это пробужденіе въ горнилѣ настоящихъ событій молодыхъ народныхъ силъ, почувствовали и услышали изъ своего далекаго изгнанія русскіе волонтеры. Психологически для нихъ рѣшающее значеніе сыгралъ тутъ вопросъ, какъ народъ отзовется на разыгравшіяся событія, что скажетъ онъ и пойдетъ ли онъ здѣсь до конца, перестраивая внутреннюю жизнь въ процессѣ національнаго самоосвобожденія. Вѣрно или не вѣрно, но имъ казалось, какъ это кажется и намъ, что въ народѣ есть сознаніе огромной важности . . . . современныхъ событій, и что старымъ русскимъ народникамъ, употребляя это слово въ широкомъ смыслѣ, надо быть въ такой моментъ вмѣстѣ съ народомъ. . . . .
. . . .
. . . .
. . . . Мы вполнѣ понимаемъ, поэтому, то настроеніе русскихъ волонте-

ровъ, подъ вліяніемъ котораго покойный Ст. Н. Слетовъ писалъ такія строки:

— „Въ нашемъ пониманіи войны и ея пріятія, мы, думается мнѣ, оказались во внутреннемъ согласіи съ тѣми слоями русскаго народа, которые являются строителями Новой Россіи. И мы счастливы этимъ. Для насъ нѣтъ вопроса, чѣмъ руководствоваться: мнѣніями или интересами народа. Являясь нераздѣльной частью пришедшаго къ своему самосознанію народа, мы раздѣляемъ его мнѣніе объ его истинныхъ интересахъ. И наша слитность съ народомъ обязываетъ насъ къ дѣйствію. И мы хотимъ, по скольку можемъ, итти по стезѣ народа, хотимъ жить и умирать съ нимъ“.

Какъ типиченъ этотъ голосъ русскаго народника, дошедшій до насъ изъ глубины французскихъ траншей. Какъ трогательно это предсмертное исповѣданіе безграничной преданности народнымъ интересамъ, это выраженіе счастливой увѣренности въ полномъ совпаденіи его личныхъ взглядовъ и мнѣній съ мнѣніями и взглядами всего огромнаго русскаго народа. Былъ или не былъ правъ покойный товарищъ объективно, но морально, субъективно онъ чувствовалъ свою полную правоту и не даромъ передъ смертью, какъ это отмѣчается въ письмахъ о немъ, приведенныхъ мною въ началѣ этой статьи,—онъ отличался такимъ умиротвореннымъ настроеніемъ, такимъ спокойнымъ сознаніемъ своей нравственной правоты. Тамъ, позади, за его плечами остался этотъ вѣчно мятущійся Парижъ, тамъ люди продолжаютъ спорить, волноваться, мучиться надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Но для него вопросы всѣ уже рѣшены. Чѣмъ бы ни были вызваны настоящія событія, онъ цѣнитъ лишь ихъ, какъ оборону народныхъ интересовъ и защиту принциповъ международной демократіи. Онъ знаетъ не хуже, чѣмъ кто другой, насколько далеки были отъ какихъ бы то ни было идеальныхъ

цѣлей тѣ люди, которые бросили факелъ войны въ массу горючаго матеріала, накопленнаго Европой за послѣдніе 40—50 лѣтъ. Но его это не можетъ остановить отъ выполненія разъ принятаго рѣшенія, ибо у него въ этомъ хаосѣ столкнувшихся интересовъ есть своя собственная задача, есть свое стремленіе къ одной и той же намѣченной цѣли. Для того, чтобы достичь ея осуществленія, ему пришлось взяться за оружіе, пришлось какъ бы отступить отъ тѣхъ идей, которыя онъ такъ упорно отстаивалъ всю свою жизнь. Но съ его точки зрѣнія, въ его сознаніи, этотъ отказъ, какъ бы отказъ отъ старыхъ традицій, не имѣлъ ничего общаго съ какой бы то ни было „измѣной", „отступничествомъ" или,—какъ еще говорятъ теперь,—„предательствомъ". Онъ не отказывался ни отъ одной изъ тѣхъ идей, которыя исповѣдывалъ раньше, онъ не дѣлалъ и не могъ органически приводить какого бы то ни было оправданія, а тѣмъ болѣе оправданія съ соціалистической точки зрѣнія, современному имперіализму. Не идеализировалъ онъ даже войну, какъ войну. Какъ и раньше, такъ и теперь война осталась для него огромнымъ народнымъ бѣдствіемъ, страшнымъ испытаніемъ,—„бичемъ Божіимъ". Но въ этотъ моментъ онъ не счелъ для себя возможнымъ остаться въ роли простого зрителя, онъ находилъ, что въ общемъ правое дѣло на той сторонѣ, на которую онъ всталъ въ виду сознательнаго свободнаго выбора. И, мы думаемъ, въ этомъ онъ не ошибся. Даже въ лагерѣ тѣхъ баварцевъ, о которыхъ покойный Ст. Н. упоминаетъ въ своемъ письмѣ съ фронта [1]), начинаетъ все больше и больше бродить мысль, что настоящій врагъ нѣмецкаго народа въ ихъ собственной средѣ, что они ведутъ чисто завоевательную кампанію, и что на нихъ нѣтъ обязанности подать починъ къ перестройкѣ общаго фронта. И, быть мо-

[1]) Въ письмѣ отъ 14 мая онъ говоритъ: „противъ насъ стоятъ баварцы", и пр.

жетъ, эти мысли еще дадутъ свой зрѣлый плодъ, и тогда обстоятельства перемѣнятся. Но пусть даже этого не будетъ. Пусть чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе разгорится ничѣмъ не сдерживаемая страшная нынѣшняя распря народовъ. Для Ст. Н. Слетова, какъ и для другихъ волонтеровъ, даже въ такомъ случаѣ горизонтъ не покрывался сплошь однѣми мрачными и тяжелыми тучами. Глубоко и разумно онъ вѣрилъ, что подобныя народныя испытанія не могутъ пройти даромъ ни для кого, что они откроютъ глаза даже слѣпымъ. Такова была его вѣра, таковой же была вѣра всѣхъ его товарищей по волонтерскому отряду, нынѣ почившихъ уже въ братскихъ могилахъ свободолюбивой Франціи. Спите же спокойно, дорогіе изгнанники съ многострадальной родины. Родина васъ не забудетъ. . . . .

Письмо В. Г. Короленко *).

Падая, они кричатъ одно и тоже слово.

Капралъ Рабиновичъ.—У братской могилы. „Русское Слово".

Надѣюсь, что вы дадите мѣсто на страницахъ вашей уважаемой газеты нижеслѣдующимъ строкамъ, которыя я пишу здѣсь, въ Россіи, но которыя, въ сущности, являются голосомъ изъ Франціи, отдѣленной отъ насъ европейскимъ пожаромъ, но гдѣ, рядомъ съ французской, англійской, бельгійской, льется и русская кровь.

Объявленіе войны застало во Франціи и Бельгіи многихъ нашихъ соотечественниковъ. По большей части это была учащаяся молодежь, но порой и люди зрѣлаго возраста, которыхъ особенности нашей современности обрекли на невзгоды скитальческой жизни. Въ душахъ этихъ людей, разразившіяся надъ Европой событія отозвались съ особенной болѣзненной рѣзкостью, вызвали сильныя и противорѣчивыя движенія совѣсти и мысли. Когда-нибудь исторія нашей общественности съ сочувственнымъ вниманіемъ остановится на этой трагедіи русской скитальческой души, мятущейся въ разнообразныхъ исканіяхъ правды. Въ результатѣ этого движенія, значительная часть русскихъ оказалась на поляхъ битвъ въ качествѣ волонтеровъ, сражающихся рядомъ съ нашими французскими, бельгійскими и англійскими союзниками за общее дѣло. Многіе

*) „Рѣчь", 15 марта 1916 г. № 73.

уже пали въ этой борьбѣ, и тѣла ихъ лежатъ въ братскихъ могилахъ на поляхъ Марны, въ Шампани, подъ Аррасомъ и Реймсомъ.

Безъ сомнѣнія, многіе и теперь ложатся на холмахъ и равнинахъ у Вердена.

Недавно одинъ изъ такихъ волонтеровъ съ большой задушевностью описалъ братскую могилу, въ которой нашли успокоеніе солдаты русскаго отряда, павшіе въ ужасной ночной битвѣ въ Шампани. Товарищъ ихъ по оружію, тоже волонтеръ, бразилецъ, сражавшійся въ томъ-же иностранномъ легіонѣ, разсказывалъ нашему соотечественнику: „Они первые пошли въ атаку съ какимъ-то для меня непонятнымъ словомъ па устахъ. И они пали одинъ за другимъ, какъ спѣлые колосья, подкошенные нѣмецкими пулеметами... И, падая, повторяли все то-же слово, ободряя другъ друга на смерть".

Смыслъ его былъ непонятенъ бразильцу, но его, очевидно, хорошо понимали эти люди...

Неужели это слово и этотъ предсмертный кличъ не найдетъ отклика у насъ, на нашей родинѣ?

Эти русскіе волонтеры французской арміи и теперь сражаются и умираютъ на чужбинѣ. Въ братскія могилы ложатся рядомъ офицеры и простые солдаты, великоруссы и украинцы, эстонцы и латыши, поляки и евреи... На этихъ поляхъ смерти представлены чуть-ли не всѣ народности, населяющія нашу родину...

У нихъ остаются семьи. И среди этихъ семей царитъ страшная нужда. Правда, семьи волонтеровъ пользуются „казеннымъ пайкомъ", на который даетъ право служба въ рядахъ французской арміи. Но нужно-ли говорить, какъ это недостаточно и какъ среди нихъ страшно растетъ нужда? „Зачастую, — пишутъ мнѣ оттуда, — матерямъ съ пятью-шестью дѣтьми приходится ютиться въ одной подвальной комнатѣ". У

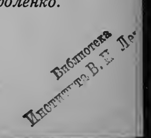
насъ, въ Россіи, есть много учрежденій, которыя стремятся облегчить нужду такихъ семей: они охвачены атмосферой родственнаго участія соотечественникамъ. Тѣ осиротѣвшіе остались на чужбинѣ. „Правда,—пишутъ мнѣ люди, знающіе эту среду и ея страданія,—мы могли-бы обратиться съ воззваніемъ о помощи къ французскому обществу. Но подобное обращеніе мы считаемъ недопустимымъ. У французовъ много и своихъ раненыхъ и голодныхъ". И, кромѣ того, неужели родина не протянетъ руку братской помощи тѣмъ, кто льетъ свою кровь, хотя и далеко отъ нея, но за то-же дѣло? Нужно-ли говорить, какое моральное значеніе имѣла-бы эта помощь съ родины, съ какимъ теплымъ сочувствіемъ встрѣтятъ ее тамъ, на чужбинѣ... И какъ холодно подѣйствовала-бы необходимость стучаться—хотя, быть можетъ, и въ отзывчивыя, но чужія сердца.

То слово, съ которымъ они падали тамъ, на поляхъ Франціи, въ часы страшныхъ битвъ,—его еще нужно переводить на чужой языкъ, чтобы пробудить непосредственный сердечный откликъ. Намъ его переводить не нужно. Мы знаемъ, что они пали за свободу, которая такъ нужна и нашей родинѣ.

Въ Парижѣ образовался комитетъ помощи русскимъ волонтерамъ. Адресъ казначея этого комитета: A M-r Serge Ivanoff, Idéal-hôtel, 108, B-rd Jourdan, Paris—Франція.

Такъ какъ посылка пожертвованій за-границу, особенно изъ провинцій, сопряжена съ неудобствами, то я увѣренъ, что контора редакціи „Русскихъ Записокъ" (Петроградъ, Баскова, 9) охотно приметъ на себя посредничество по пересылкѣ.

Вл. Короленко.

Оглавленіе.

РОЛАНДЪ ЭШЕРЪ.

Пангерманизмъ.

Переводъ В. Я. Фанъ-деръ-Флита.

Издательство „ОГНИ“

Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 руб.

Цѣна 60 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

ПЕТРОГРАДЪ, К-ВО „ОГНИ"
ФОНТАНКА, 80, ТЕЛ. 252-56.
МОСКВА, К-ВО „ЗАДРУГА"
М. НИКИТСКАЯ, 29.

Тип. „Правда", Съѣзжинская 16-18.

